

ОДИССЕЙ

2012

Предательство:
опыт исторического анализа

История в средневековой
арабо-мусульманской системе знаний

Крещение детей и монстров
в средневековой Скандинавии

А. Н. Савин:
неизвестная жизнь известного историка

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. главного редактора), Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО, А.Б. ГЕРШТЕЙН (ответственный секретарь),
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, В. ВЖОЗЕК, Н. ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч.Вс. ИВАНОВ, Ж. Ле ГОФФ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
Ж.-К. ШМИТТ, О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук М.В. ДМИТРИЕВ,
доктор исторических наук С.К. ЦАТУРОВА

ISBN 978-5-02-038028-8 © Институт всеобщей истории РАН, 2012
© Лучицкая С.И., составление, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Российская академия наук и издательство
“Наука”, продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
(разработка, оформление), 1989
(год основания), 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

<i>К.А. Левинсон</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>С.И. Лучицкая</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ИЗМЕНА В <i>CHANSONS DE GESTE</i> XII–XIII вв. .	10
<i>А.Б. Герштейн</i> КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ФРИДРИХА II: ПРЕДАТЕЛЬСТВО КРЕСТОНОСНОЙ ИДЕИ?	45
<i>Р.О. Шляхтин</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО НА ПОНТЕ: ИЗМЕННИКИ, РЕНЕГАТЫ И ПЕРЕБЕЖЧИКИ В ВИЗАНТИЙСКО-СЕЛЬДЖУКСКОМ ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ (1170–1204 годы)	74
<i>О.И. Тогоева</i> РЫЖИЙ ЛЕВША: ТЕМА ПРЕДАТЕЛЬСТВА ИУДЫ В СРЕДНЕ- ВЕКОВОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ	98
<i>Е.Д. Браун</i> РИЧАРД III И “ПРИНЦЫ В ТАУЭРЕ”: РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ	113
<i>О.В. Окунева</i> ПРЕДАТЕЛИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ БРАЗИЛИИ XVI – НАЧАЛА XVII в.	139
<i>Л.А. Пименова</i> КОГДА КОРОЛЬ СТАНОВИТСЯ ПРЕДАТЕЛЕМ	167
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ	
<i>В.А. Кузнецов</i> ЖИЗНЬ ДО РОЖДЕНИЯ: ИСТОРИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРАБО- МУСУЛЬМАНСКОЙ СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ	184
ИСТОРИК И ВРЕМЯ	
<i>А.В. Шарова</i> АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ САВИН: НЕИЗВЕСТНАЯ ЖИЗНЬ ИЗВЕСТНОГО ИСТОРИКА	212

<i>Г. Альгази</i>	
ОТТО БРУННЕР – “КОНКРЕТНЫЙ ПОРЯДОК” И ЯЗЫК ВРЕМЕНИ	244

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

<i>Ю.Ф. Игина</i>	
МЕМОРИА ЛЖЕДМИТРИЯ I КАК СПОСОБ ЛЕГИТИМАЦИИ И МАНИФЕСТАЦИИ ЕГО ВЛАСТИ	280

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

<i>К.А. Левинсон</i>	
“ВРАЖДУЮЩИЕ ШКОЛЫ ПО ПРИРОДЕ СВОЕЙ – БОЕВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ”: ИЗ ИСТОРИИ СТЕНОГРАФИИ В ГЕРМАНИИ	322

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>А.В. Бусыгин</i>	
МЕЖДУ КАНОНИЧЕСКИМ ПРАВОМ И ЦЕРКОВНЫМ ФОЛЬКЛОРОМ: КРЕЩЕНИЕ ДЕТЕЙ И МОНСТРОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ	362
<i>М.Ю. Зенченко</i>	
ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВЕСНЫ 1682 ГОДА: СОБЫТИЕ И ЕГО ВЕРСИИ	384

РОССИЯ: QUO VADIS?

<i>Б.В. Дубин</i>	
МАНИФЕСТАЦИИ ПУБЛИЧНОГО НЕДОВОЛЬСТВА В МОСКВЕ 2011–2012 гг. : ТОЧКА СДВИГА ИЛИ ЛИНИЯ ПЕРЕЛОМА?	428

ИСТОРИЯ И МИФОЛОГИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
КУ РОИ И СВЯТОГОР: ВАРИАЦИИ ХТОНИЧЕСКОГО СЮЖЕТА	448

РЕЦЕНЗИИ

<i>М.Н. Соколов</i>	
ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТА И ПРОСТРАНСТВО ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ: СОЗВУЧИЯ И ДИССОНАНСЫ	
<i>А.М. Лидов.</i> Иеротопия: Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009	464
<i>Т.М. Васильева</i>	
GESAMTKUNSTWRACK, ИЛИ О НОВОЙ КНИГЕ А.М. ЛИДОВА ...	474
<i>А.Б. Герштейн</i>	
СОХРАНЯЯ ПРАВО: “ВАРВАРСКАЯ ПРАВДА” МЕЖДУ РИМСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ И ЦЕРКОВНЫМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ	

Вестготская правда: (Книга приговоров): [Латинский текст. Перевод. Исследование] / Отв. ред. О.В. Ауров, А.В. Марей. М., 2012	481
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	
Л.М. БАТКИНУ 80 ЛЕТ	489
IN MEMORIAM	
ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ КНАБЕ (20 августа 1920–30 ноября 2011)	491
ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ ВАЛЕРИАНОВНЫ ОБОЛЕНСКОЙ (12.04.1925–26.10.2012)	494
ХРОНИКА	
<i>Н.Ф. Сокольская</i>	
МИГРАЦИЯ И ИММИГРАНТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПРОБЛЕМА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ	497
SUMMARIES	502

CONTENTS

TREASON: A HORIZON OF HISTORICAL EXPERIENCE

<i>K.A. Levinson</i>	
INTRODUCTION	5
<i>S.I. Luchitskaya</i>	
TREASON AND BETRAYAL IN TWELFTH AND THIRTEENTH CENTURY CHANSONS DE GESTE	10
<i>A.B. Gerstein</i>	
THE CRUSADE OF FREDERICK II: BETRAYAL OF THE CRUSADE IDEA	45
<i>R.O. Shliahtin</i>	
TREASON IN PONTUS: TRAITORS, RENEGADES AND DEFECTORS IN THE BYZANTINE-SELJUK MILITARY CONFLICT (1170–1204)	74
<i>O.I. Togoieva</i>	
RED-HAIRED AND LEFT-HANDED: JUDAS' BETRAYAL IN THE MEDIÉVAL LEGAL DISCOURSE	98
<i>E.D. Braun</i>	
RICHARD III AND 'THE PRINCES IN THE TOWER': THE BIRTH OF A LEGEND	113
<i>O.V. Okuneva</i>	
TREASON AND TRAITORS IN FRENCH BRAZILE DURING THE SIXTEENTH AND TE BEGINNING SEVENTEENTH CENTURY	139
<i>L.A. Pimenova</i>	
HOW THE KING BECOMES A TRAITOR	167

PROBLEMS OF HISTORICAL KNOWLEDGE

<i>V.A. Kuznetsov</i>	
LIFE BEFORE BIRTH: HISTORY IN THE MEDIÉVAL ARABO- MUSLIM SYSTEM OF KNOWLEDGE	184

HISTORIAN AND TIME

<i>A.V. Sharova</i>	
ALEXANDER SAVIN: THE UNKNOWN LIFE OF THE FAMOUS HISTORIAN	212

G. Algazi

OTTO BRUNNER: 'CONCRETE ORDER' AND THE DISCOURSE OF THE TIMES	244
--	-----

HISTORY AND MEMORY

Yu.F. Igina

MEMORIA OF FALSE-DIMITRIY I AS A MODE OF POWER LEGITIMATION	280
--	-----

HISTORY OF EVERYDAY PRACTICES

K.A. Levinson

"THE HOSTILE SCHOOLS ARE COMBAT ORGANIZATIONS BY NATURE": TOWARDS THE HISTORY OF SHORTHAND IN GERMANY	322
---	-----

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.V. Busygin

BETWEEN CANON LAW AND CHURCH FOLKLORE BAPTISM OF CHILDREN AND MONSTERS IN MEDIEVAL SCANDINAVIA	362
---	-----

M.Yu. Zenchenko

MOSCOW DYNASTICAL CRISIS IN SPRING 1682: AN EVENT AND ITS VERSIONS	384
---	-----

RUSSIS: QUO VADIS?

B.V. Dubin

MANIFESTATIONS OF SOCIAL UNREST OF MUSCOVITES IN 2011/2012: TURNING POINT OR CHAIN OF CHANGES?	428
---	-----

HISTORY AND MYTHOLOGY

G.V. Bondarenko

CÚ ROÍ AND SVYATOGOR: A STUDY IN CHTHONIC	448
---	-----

BOOK REVIEWS

M.N. Sokolov

THE SPACE OF CULT AND THE SPACE OF ART STUDIES:
CONSONANCES AND DISSONANCES

<i>M.A. Lidov</i> . Hierotopy: Spatial Icons and Images-Paradigms in Byzantine Culture. Moscow, 2009	464
---	-----

T.M. Vasilieva

GESAMTKUNSTWRACK, OR ABOUT A NEW BOOK OF
A.M. LIDOV 474

A.B. Gerstein

KEEPING THE LAW: BETWEEN ROMAN TRADITION AND
CHRISTIAN CHURCH 481

ANNIVERSARIES

The 80th anniversary of Leonid Mikhailovich BATKIN 489

IN MEMORIAM

GEORGII STEPANOVICH KNABE (1920–2011) 491

S.U. BOLENSKAYA (12.04.1925–26.10.2012) 494

CHRONICLE

N.F. Sokolskaya

MIGRATIONS IN THE MIDDLE AGES. CROSS-CULTURAL
APPROACHES TO THE PROBLEM: (Chronicle of conference) 497

SUMMARIES 502

М.Ю. Зенченко

ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВЕСНЫ 1682 ГОДА: СОБЫТИЕ И ЕГО ВЕРСИИ

УДК 94(47).048

В статье обсуждаются две концепции российской историографии, объясняющие причины “стрелецкого бунта” и массовых убийств бояр 15 мая 1682 г. В первой концепции события рассматриваются как городское восстание стрельцов. Во второй – как заговор одной боярской группировки против другой (“заговор Милославских против Нарышкиных”). Как считает автор, в основе обеих концепций лежат созданные политически ангажированными современниками версии этих событий. Используя большой массив исторических источников, автор предлагает “плотное описание” событий, которые происходили 15 мая 1682 г. и были связаны как с гвардией стрельцов, так и с Боярской думой. Автор показывает, что у самих стрельцов, требования которых правящая династия выполнила, не было мотивов для восстания. Автор приходит к выводам, что ни Милославские, ни Нарышкины практически не влияли на борьбу за власть в этот период и что стрельцов спровоцировали на восстание консервативно настроенные члены Боярской думы, которые желали остановить реформы, начатые в последние годы царствования Федора Алексеевича.

Ключевые слова: Стрельцы московские, стрелецкое восстание 1682 г., Нарышкины, Милославские, придворные группировки, придворная борьба.

Key words: Streltsy of Moscow, The Streltsy Uprising of 1682, the Naryshkiny, the Miloslavskie, court coalitions, power struggle.

27 апреля 1682 г. скончался царь Федор Алексеевич. Осталось два наследника российского престола: болезненный, но старший по возрасту царевич Иван, и физически здоровый, но малолетний царевич Петр¹. Фактография событий этого династического кризиса, неоднократно и тщательно изучалась. Однако внутренние мотивы, заставлявшие как отдельных людей, так и социальные группы поступать тем или иным образом, остаются скрытыми от глаз исследователей. Причина этого очевидна – изучение проблемы основывалось на памятниках исторической публицистики конца XVII в., каждый из которых отстаивал свое объяснение произошедшего и “направлял” историков по своему пути. Так сформировалась историография, условно разделившаяся на сторонников двух концепции: а) “заговора” бояр Милославских

(родственников царевича Ивана) против бояр Нарышкиных (родственников царевича Петра), который был частью более обширной платформы обоснования прав на престол Петра, и б) концепции “стрелецкого бунта”, произошедшего от злоупотреблений временщиков, которые привели к справедливому народному возмущению.

Представляется, что для непредвзятого анализа кризиса 1682 г. необходим более широкий формат исследования, отстраивающийся от существующих историографических схем и концентрирующийся на “плотном описании” его событий по данным всех имеющихся источников. Кроме того, необходимо рассмотреть предысторию событий, которые привели к кровавой развязке на Красном крыльце 15 мая 1682 г. Таким путем можно наметить иные, менее политизированные интерпретации истории “стрелецкого бунта”.

Существующие источники по указанной проблеме условно делятся на две группы – а) собственно описание событий, б) их интерпретация современниками. Очевидцы, как правило, воздерживались от комментариев, попытавшись изложить то, что видели своими глазами. Таковы патриарший летописец Исидор Сназин² или неизвестный посадский человек, оставивший свои записи о разгроме патриаршего дворца и московских приказов³. Беспристрастно старается излагать события и официальная записка, составленная в Разрядном приказе в 191 (1682/83) г., и озаглавленная “Смутное время”⁴. Близок к официальной точке зрения и Летописец 1619–1691 гг.⁵, сохранивший в своем составе ряд подлинных разрядных документов и личных свидетельств не очень пронизательного, но весьма наблюдательного монаха. Уникальным источником является отчет шведского наблюдателя (резидента) в Москве Бутенанта фон Розенбуша. Он не только со всей возможной точностью собрал сведения о начале “московской смуты”, но и оставил не имеющее аналогов описание происходившего в Москве 16 мая 1682 г.⁶

К рассказам очевидцев примыкает другая группа памятников – *различные версии* этих событий, которые пытались не столько описать, сколько объяснить произошедшее. К таковым, например, относится анонимный текст с громким названием “Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна”⁷. Вероятно, он был составлен поляком из свиты польского посланца Яна Окрасы, посетив-

шего Москву летом 1683 г.⁸ Автор старательно собрал ходившие по Москве слухи, в том числе и самые нелепые⁹, и изложил их в форме политического памфлета о “дикости” нравов московитов. Благодаря этому текст оказался хорошо известным на Западе (в России он был опубликован только в 1902 г.) и считается там надежным историческим источником¹⁰.

Отечественная историография формировалась под влиянием российских публицистов конца XVII в. и, как было сказано выше, в изрядной степени стала продолжением их концепций. Версия заговора царевны Софьи и Милославских была в ходу в Москве уже летом 1683 г. и зафиксирована польским анонимом: “царевна Софья в это время с преданными боярами Михаилом Милославским, своим дядей, и князем Хованским составила думу, как бы посадить на трон царевича Ивана”¹¹. Но окончательный вид версия заговора Софьи приняла под пером графа Андрея Артамоновича Матвеева¹². Источниковедческий разбор “Записок” выполнен М.П. Погодиным¹³, впоследствии – В.И. Бугановым¹⁴. Оба автора отметили, что “записки” составлены позднее событий, не ранее 1716 г., и являются воспоминаниями. Особую ценность источника оба автора видели в том, что Матвеев был “очевидцем” событий. Так ли это?

Юный Андрей Матвеев действительно был в Москве, стоял на Красном крыльце 15 мая и своими глазами видел начало стрелецкой расправы. Но в Москву он вернулся из ссылки со своим отцом только 12 мая и не был хорошо осведомлен о предшествовавших событиях. О произошедшем же с вечера 15 по 18 мая он узнавал только с чужих слов, так все это время просидел в потайной комнате в покоях царевны Марфы Алексеевны, о чем сам же бесхитростно рассказал: спрятан был “в дальние ее деревянные комнаты, которые были глухою стеною обращены к Патриаршему дворцу, о чем токмо была сведома одна постельница ее”¹⁵. Вечером 18 мая потерявшего отца Андрея тайно вывели из Москвы, после чего “переменя собственное свое имя, скитался в простом платье, и потом у разных, низких самых людей, странствованием себя спас”¹⁶. Поэтому правильной считать его не очевидцем, а современником событий, написанную же им историю “заговора Милославских” – отражением некоей общей, “пронарышкинской” версии произошедшего. Из нее берут начало все давно отмеченные несообразности повествования А.А. Матвеева – например, история о “панцирях”, которые сторонники Нарышкиных якобы

одеди под одежду перед провозглашением царевича Петра на царство 27 апреля, или перечень этих сторонников¹⁷. Знать такие подробности Матвеев мог только с чужих слов. Фактически, его “Записки” – это интерпретация событий, отражающая интересы одной из придворных группировок.

“Стрелецкий бунт” – это правительственная версия произошедшего. Она начала формироваться уже осенью 1682 г. В окружной грамоте российскому дворянству, разосланной в начале сентября, правительство прямо обвинило стрельцов в измене – “московские стрельцы всех приказов и бутырские салдаты по тайному согласию з боярином нашим с князь Иваном Хованским нам, великим государям, изменили и весь народ Московского государства возмутили, и свою братью – старых московских стрельцов, которые к их измене не пристали и от того их унимали, они, изменники, взбунтовавса, самовольством своим ругателски побили”¹⁸. В таком же заведомо тенденциозном ключе история излагается и далее: “они же, воры и изменники, стрельцы и салдаты ... вменивше воровские свои затейные слова, чего не бывало, приходили в Кремль и на наш государской дом безстыдным дерзновением. И пришед в наши, великих государей, царския полаты и хоромы, не усташася нашего величества персон, при нас, в. г., в наших царских полатах бояр наших и думных и ближних людей, поймав, ругателне побили и с палат пометали...”¹⁹. Как видим, официальный взгляд на события вину полностью возлагал на стрельцов – вначале они “умышляли дурно”, а потом свое злоумышление реализовали на практике – пришли и бояр “побили и с палат пометали”. Тем не менее, и современники, и официальные документы для нас сохранили другую картину. Окружную грамоту правильней считать правительственным манифестом, предназначенным для идейного обоснования кратковременной “агитационной кампании” – сборе дворянского ополчения осенью 1682 г. Официальный правительственный текст – разрядная запись “Смутное время” – начинается прямо с вторжения стрельцов в Кремль; предшествующим событиям, о которых еще упоминает окружная грамота, в ней места не нашлось. Таким образом получается, что стрельцы взбунтовались безо всяких причин – просто пришли и побили бояр. Следует учитывать, что по Москве уже вовсю распространялась версия Нарышкиных – про заговор, организованный самозванкой царевной Софьей и Милославскими. Ответить на эту версию правительству регентши Софьи следовало чем-то не менее убедительным.

Свою концепцию стрельцкой резни в Кремлевском дворце, на которую впоследствии опиралось правительство царевны Софьи – кн. В.В. Голицына, создал любимый ученик Симеона Полоцкого, автор многочисленных панегирических посланий царевне Софье²⁰, монах Сильвестр Медведев. Его труд – “Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся в гражданстве”²¹ – одно из самых значительных исторических сочинений конца XVII в. Для работы над рукописью думный дьяк Ф.Л. Шакловитый любезно предоставил Сильвестру имевшиеся в Разрядном приказе документы²². Но, как увидим далее, автор не ставил своей задачей объективно осветить события. Многие даже нам известные документы им обойдены молчанием; последовательность событий преднамеренно искажена, а наиболее неприятные моменты и вовсе заменены многозначительными намеками и обширными рассуждениями о “падении нравов”. “Нестроения”, охватившие государство зимой 1681/82 г. Медведев объяснил засылем “временников” – фаворитов царя Федора Алексеевича: “Того же 7190 лета, во время зимнее начата люди зело, ради неправд и нестерпимых обид, себе стужати и друг на друга глаголати... наипаче же на временников, и великих судей, и на начальных людей, яко мздоимателством очи себе послепили...”²³. К этому исходному тезису и подверстывается дальнейшее повествование – о “неправом суде” “временника” боярина Ивана Языкова и насилиях полковников над стрельцами (“полковники стрельцкие, яко все по их воли над стрельцами содеяся”²⁴), что и привело к стрельцкому бунту.

Предложенная Сильвестром Медведевым концепция отличалась простотой и логичностью повествования, а потому под ее обаяние попали многие историки XIX–XX вв.²⁵ В результате, его сочинение не подверглось элементарной источниковедческой критике. Между тем, целый ряд его “известий” (об участии И.М. Языкова в “неправом суде” над стрельцами, о наказании полковников 2–3 мая), совершенно не подтверждается свидетельствами других источников, в том числе и такими надежными, как официальные разрядные книги. В рассказе о событиях 15–17 мая 1682 г. он механически воспроизвел разрядную запись “Смутное время”, обильно разбавив ее обращениями к Богу и морализаторскими сентенциями. Вероятно, именно из-за них до сих пор никто не заметил, что рассказ о событиях в Кремле по Медведеву не содержит *ничего* фактографически нового по сравнению с другими источниками. Эти соображения заставляют задуматься – дей-

ствительно ли его можно считать “очевидцем”? Однако существенно то, что версия Сильвестра Медведева – интерпретация тех же событий, выполненная в интересах *другой* придворной группировки.

Посмотрим как намеченные источниками концепция “заговора” и концепция “стрелецкого бунта” отразились в историографии. Традиция рассматривать мятежные стрелецкие полки как слепое орудие в руках опытных интриганов Милославских и стоящей за их спиной царевны Софии была заложена монографией В.И. Берха²⁶; затем продолжена в работе Н.Г. Устрялова²⁷. В последовавшем за ними исследовании М.П. Погодина был сформулирован ряд вопросов, на которые до сих пор нет однозначных ответов: за что стрельцами был убит боярин А.С. Матвеев, который шесть лет провел в ссылке и “ни душой, ни телом, не виноват был ни в каких злоупотреблениях и пользовался всегда особым расположением стрельцов”?; “почему с особым усердием стрельцы разыскивали братьев Ивана и Афанасия Нарышкиных и боярина И.М. Языкова и не успокоились, пока их не нашли и не казнили со зверской жестокостью”?; “почему разбушевавшиеся стрельцы не тронули бояра, а родственникам тех, кого убили сгоряча, принесли извинения”?²⁸. Ответы М.Н. Погодин как раз и нашел в “Записках” графа А.А. Матвеева. Вывод же для него был очевиден: стрельцы “убивали тех, кого им велено убивать, а не личных своих врагов; с личными своими врагами они давно уже расправились – высекли их кого батогами, кого кнутом. Выбор лиц для убиения, искание их по улицам нельзя объяснить без действия противной партии”²⁹.

Примерно в то же время начало формироваться альтернативное направление в исследовании этого вопроса, основанное на поиске не политических, а социальных причин. Начало ему было положено трудом Н.Я. Аристова, который задался целью оправдать царевну Софию от несправедливых обвинений в попытках узурпации власти. Согласно мнению автора, виновниками майского бунта были стрельцы и только стрельцы. По Аристову стрельцы являлись носителями “земско-казацких стремлений”, были противниками дворянских привилегий и в то же время “честными защитниками правительства”. Кроме того, стрельцы были до крайности раздражены действиями правительства, не сумевшего удовлетворить их законные жалобы. Эта точка зрения показалась настолько передовой для начала 70-х годов XIX в., что издать ее решил только Варшавский университет³⁰. Для обоснования

своих выводов Н.Я. Аристов нашел практически готовую схему “стрелецкого бунта” в сочинении Сильвестра Медведева.

Итак, М.Н. Погодин использовал версию “заговора Мило-славских”, сочиненную, видимо, в селе Преображенском в 1687–1688 гг. сторонниками Петра. Для ее опровержения Н.Я. Аристов воспользовался аргументами, заимствованными из политических представлений противоположного лагеря, сформулированных в первую очередь Сильвестром Медведевым. Таким образом, анализу подверглись не столько исторические источники, сколько заключающиеся в них готовые схемы, каждая из которых имела свой набор тщательно подобранных фактов.

Обе указанные схемы не дополняют, а взаимно противоречат друг другу. Отсюда и громадное количество точек зрения на те или иные сюжеты, связанные с московскими событиями 1682 г. Исследователи конца XIX в. Е.А. Белов и Е.Ф. Шмурло поняли, что стрелецкие полки играли в московской “смуте” вполне самостоятельную роль и далее рассматривать их как “слепое орудие” неисторично³¹. События 1682 г. у Е.Ф. Шмурло изучены как сложная шахматная партия, где политические противники старались обзавестись союзниками, в том числе и среди стрельцов. В 20-е годы XX столетия такой подход был вытеснен “гипермарксизмом” С. Томсинского, который проанализировал события с вульгарно-классовых позиций³². Не умерла и концепция “заговора”. В 1941 г. к ней, в очень осторожных выражениях, вернулся С.К. Богоявленский. В качестве возможного кандидата на роль главного заговорщика он предложил кн. И.А. Хованского³³. В фундаментальной работе В.И. Буганова “Московские восстания конца XVII века” были окончательно опровергнуты обвинения в адрес Софьи. По аргументированному мнению автора, Софья Алексеевна выдвинулась как раз в ходе событий 15–17 мая, а в дальнейшем лишь развивала и закрепляла свой успех³⁴. В то же время, монография В.И. Буганова в значительной степени консервировала дальнейшее исследование вопроса. События весны 1682 г. были им изложены по схеме Сильвестра Медведева, что дало возможность автору объявить московский мятеж одним из “звеньев в цепи народных движений второй половины XVII в.”, которое лишь продолжало “линию борьбы различных слоев народа с гнетом формирующегося российского абсолютизма”³⁵.

С такой постановкой вопроса категорически не согласился Н.И. Павленко. В рецензии на монографию В.И. Буганова он справедливо обратил внимание на то, что от нового правитель-

ства “стрельцы получили все, что требовали” и никаких причин для “восстания” просто не имели³⁶. Полемика приобрела резкий характер – Н.И. Павленко обвинил автора в “произвольной интерпретации источников” и в том, что ему “не удалось доказать ни одного из выдвинутых им тезисов”³⁷. В короткой заметке, являющейся ответом на разгромную рецензию Н.И. Павленко, В.И. Буганов вновь выступил с защитой своих тезисов³⁸.

Оригинальная точка зрения была сформулирована Линдси Хьюз: по ее мнению был и заговор стрельцов, и заговор Милославских³⁹.

На самостоятельную позицию стрелецких полков обратил внимание А.В. Лаврентьев. По его мнению, требование политической амнистии для всех участников “бунта” было совершенно уникальным явлением в нашей истории⁴⁰. Стрельцы вовсе не просили прощения. Они требовали письменных (в виде жалованной грамоты) и материальных (в виде знаменитого “столпа” на Красной площади) подтверждений правомерности своих действий. И они их получили.

Как видим, вопросов и в наши дни все еще больше чем ответов. Эти соображения и вынуждают нас вновь вернуться к событиям весны 1682 г.

“СТРЕЛЬЦЫ МОСКОВСКИЕ” КАК КОРПОРАЦИЯ

Почти в любом городе России XVII в. имелся стрелецкий гарнизон. Фактически он состоял из обычных солдат. В отличие от них, “стрельцы московские” имели особый статус. Их появление относят к середине XVI в.: страдавший крайней степенью подозрительности Иван Грозный создал сразу *два* охранных корпуса – опричников и стрельцов. Опричников сам царь и уничтожил, а вот “стрельцы московские” к концу века превратились в постоянную стражу при московских государях. “Императорская гвардия состоит из десяти тысяч стрельцов, размещенных в городе Москве” – писал француз Жак Маржерет⁴¹. Он был прав – это и была гвардия, ближняя царская охрана, обеспечивавшая личную безопасность царя. За всю историю XVII в. в Москве известен всего один случай удачного покушения на монарха – 17 мая 1606 г. царь Дмитрий Иоанович (Лжедмитрий I) был изрублен в собственной спальне. И именно он пренебрег услугами московских стрельцов, полностью положившись на верность поляков и наемных “немецких” отрядов.

Сознание собственной “элитарности” московскими стрельцами достаточно быстро привело к формированию особой “корпорации”⁴². Возникает вопрос – насколько правомочно распространять понятие “корпорация” на стрелецкие полки? По определению, данному современным исследователем корпоративной этики, исходной точкой формирования корпораций стало объединение в сообщество “с целью взаимной защиты и помощи, религиозной и общественной деятельности, а также профессионального и экономического содействия их членам”⁴³. Этот перечень охватывает почти весь круг служебных и экономических взаимоотношений, складывавшихся внутри стрелецких полков. С самого начала своей истории стрелецкие полки формировались по образу “боевого братства”, именно как сообщество, основанное на взаимной помощи и поддержке. Необходимость в подобной самоорганизации определяла даже не их военная служба, на которой каждый постоянно рисковал головой. Более существенной была поддержка, которую получали осиротевшие семьи. Они продолжали оставаться членами стрелецкого сообщества. Товарищи погибшего по мере возможностей помогали вдове “тянуть” хозяйство, а “поспевшие в службу” дети занимали места выбывших отцов⁴⁴. Такие отношения определялись ясным пониманием того, что подобная же беда может посетить любой дом. Поэтому каждый стрелецкий полк был не только военной единицей, но и сообществом людей, связанных корпоративными отношениями.

Про стрелецкий быт XVII в. известно немного. Полковые стрельцы селились слободами. Центром слободы была полковая изба с караульной вышкой (“каланчей”), где хранились полковые знамена, оружие и “зеленый запас” (свинец и порох), а также полковая казна. Казна была именно полковая, а не “государева” – решения о расходовании полковых сумм принимались на сходе. Когда стрелецкие полковники начали предпринимать попытки присвоить казну, стрельцы отреагировали на них самым недвусмысленным образом. Другим центром такого сообщества была приходская церковь; вероятней всего, со своими особо почитаемыми иконами и небесными покровителями. Об этом смутно упоминает Иоганн Корб⁴⁵.

Главной стороной стрелецкой повседневности была служба. “Стрельцы московские” были своего рода внутренними войсками государства, а потому пользовались соответствующими привилегиями – получали хлебное и денежное жалование, отдельные доплаты “за посылки” (службу вне Москвы), были освобождены от

налогов и повинностей. За это стрельцы платили московским государям неподкупной верностью. Во время “медного бунта” 1662 г. стрельцы московские буквально растерзали жителей столицы – “и как их почали бить, и сечь, и ловить... и топиться в Москву реку. И потопилось их в реке больше 100 человек, а пересечено и переловлено больши 7 тысяч, а иные разбежались...”⁴⁶. Отличились они и в подавлении восстания С. Разина. Разумеется, эти очевидные факты противоречили “классовому” подходу историков-марксистов, согласно которому стрельцы считались “выходцами из народа” и противопоставлялись эксплуататорам – дворянам. В действительности же “стрельцы московские” были точно такими же “служилыми людьми” как и они, со своим, вполне ясным пониманием военного долга. Жестокая расправа Петра I над восставшими стрелецкими полками в 1697 г. – вовсе не плод его детских страхов. Это хорошо обдуманное решение командира о наказании воинских частей, изменивших воинскому долгу – “А казнены они за то: в прошлом 206 году по его великого государя указу и по грамоте из Розряду велено им... быть да ево государева указу в городех в указных местех. И они тому ево великого государя указу учинились противны, в те указные города с полковники своими не пошли и их, полковников и полуполковников и капитанов ис полков своих выслали вон, а вместо их выбрали себе в те полки таких же воров свою братию стрельцов”⁴⁷.

Понимали свой долг (свою “честь”) и стрельцы. О.Е. Кошелева справедливо указала, что понятия чести и бесчестия распространялись на все слои русского общества “начиная с царя, и кончая простой солдаткой”: «...такая “честь”, на страже которой стоял закон, не была и не могла быть связана с личным достоинством, не зависящим от “места” в государстве»⁴⁸. Стрелецкая “честь” – верой и правдой служить московским государям против любых “супостатов”. А когда московские государи начинали сомневаться в верности стрелецких полков, возникали нешуточные обиды.

В октябре 1682 г. стрельцов полка Н.Д. Глебова “обесчестили”, запретили нести службу в Кремле. Сохранилась поданная ими челобитная: “Служили мы, холопи ваши, деду вашему <...>⁴⁹ Михаилу Федоровичю и отцу вашему <...> Алексею Михайловичю <...> и брату вашему <...> Феодору Алексеевичю <...> и вам, <...> служили также деды и отцы и братья наши и мы, холопи ваши, многие годы со всякою верностию безизменно безо всякие шатости...”⁵⁰. Стрельцы всем полком просили *только* о сложении

с них вины, “возвращении чести”. И были готовы обещать что угодно: “А что, государи, впредь кто из нас, холопей ваших, или кто ни буди на ваше государское величество, и на бояр, и на думных, и на ближних людей учнет говорити какие непристойные слова, и тех людей будем мы, холопи ваши, иметь и приводити в Приказ надворные пехоты, и в винах их волны вы, великие государи”⁵¹. Так что в верности стрелецких полков в Москве мало кто сомневался. Другое дело, что верностью тоже можно манипулировать.

Подлинной причиной, породившей в стрельцах “шатость и смущение”, стало их избыточное количество. К 1680 г. оно уже перешло все разумные пределы – 20 048 человек в 21 полку⁵². После заключения Бахчисарайского перемирия (январь 1681 г.) правительство немедленно начало расформировывать ставшие ненужными части. Весной 1682 г. в “стрельцах московских” оставалось 14 198 человек в 19 полках⁵³. Но даже такое количество было избыточным – в январе–феврале 1682 г. обсуждался вопрос о выводе части полков в пограничные города на постоянное поселение.

Слухи об этих намерениях неизбежно просачивались в стрелецкую среду, порождая вполне естественное недовольство. И без того сложную обстановку провоцировали и действия самих стрелецких командиров. Проведенное в мае 1682 г. расследование установило, что полковники были склонны рассматривать стрелецкие полки как источник бесплатной рабочей силы. Июньская жалованная грамота стрельцам на подобные действия налагала запрет: “на них, полковников и на начальных людей и на друзей их, никакие работы не работать и изделия никакова не делать”⁵⁴.

Еще одна группа претензий касалась посягательств полковников на полковые кассы. В стрелецких полках существовала традиция сбора “спусковых” денег, которыми зажиточные стрельцы откупались от походной и гарнизонной службы: “И с стенных, и с прибылых караулов, и из недельных, и в слободах с съезжих изб их, стрельцов, в спуск по тритцати, и по сороку, и по пятидесяти человек и болши спускал, а за то имал с человека по четыре, и по пяти алтын, и по две гривны и болши, а с недельных по десяти алтын и по четыре гривны, и по полтине, и теми деньгами корыстовался”⁵⁵. Иначе говоря, рыночные отношения успели распространиться даже на служебные обязанности стрельцов: пятьдесят человек “и болши”, заплатив скромную мзду, могли вообще не являться на службу. Недельный прогул стоил дешевле – всего

полтина. Видимо, к этому времени полковники сообразили, что такое оптовые скидки. Такие “спусковые” деньги вносились в полковую кассу и расходовались на нужды самого полка. “Все это было в порядке вещей, освящено обычаем, и не вызывало особых возражений”, – иронично заметил В.И. Буганов. – гнев вызывало другое – “ис тех же спусковых денег с съезжих изб полковники емлют себе для всяких своих прихотей во всякие свои домашние заводы”⁵⁶.

Постоянные нарекания вызывала практика выдачи жалования. Государево “жалование” – “стрелецкие деньги” и “стрелецкий хлеб” к этому времени превратились в выгодную кормушку как для самих полковников, так и сидевших “у выдачи” приказных. Эти обвинения подтверждены царской жалованной грамотой – “на Москве и на наших государевых службах... велеть давать наше в.г. жалованье безо всякого вывороту, и от дьяков и от подьячих без выкупу”. Распространенной формой финансовых злоупотреблений было использование общих денег в личных целях. Особо предприимчивые купцы изыскивали возможности “одалживаться” деньгами из расходных сумм Стрелецкого приказа и полковых касс, что также вызывало недовольство рядовых стрельцов – “а которые наши великого государя денги на гостях, и Гостиных, и Суконных сотен долг, и на них выбирать, а впредь им в долг нашей великого государя казны не давать, потому что те дьяки и подьячия нашу великого государя казну дают ис посулу [на] многие годы”⁵⁷.

Борьба с различными злоупотреблениями была существенной частью всей внутренней политики Федора Алексеевича. Поэтому нет ничего удивительного в том, что стрельцы ему жаловались. Один из таких конфликтов произошел в последние дни жизни царя, собственно говоря, и положив начало легенде о “стрелецком восстании”.

23 апреля 1682 г. стрелец полка С.Ф. Грибоедова подал словесный извет царю (“дождався ево, государя, как был выход по переграде”). Жалоба состояла в том, что полковник “во весь великий пост” заставил работать 100 человек стрельцов в своем подмосковном селе Мячкове: “велел работать на себя: послал с Москвы стрельцов 100 человек ломати камень; и гнали к Москве вверх по Москве реке в стругах в самой торжественной праздник в светлое Христово воскресение. И пригнали на себе с великою нуждею и непомерною тяготою, яко за какую измену или за воровство неволею мучими быша или яко неводники на катаргах.

И тоя ради неволи потонуло стрелцов в воде 16 человек. А после праздника стрелцов же на работу в ево Семеновы деревни копаней копать, и прудов чистить, и хором строить выбрано 100 же человек⁵⁸. По царскому указу была устроена очная ставка с обвиненным полковником. Таким поворотом дела С.Ф. Грибоедов был крайне удивлен и, по словам летописца, «против того роспросу и словесного челобитья Семен Грибоедов в Стрелецком приказе подал скаску, а в скаске своей написал: “Такова де великого государя указу и боярского приговору, что на полковников стрелцом никакой их полковничьи работы не работать, не слышал; и в наказе де ему о том не написано, как де преж сего при прежних их братье полковниках бывало, так же де и ныне у них, полковников, у всех и у него, Семена, так же”»⁵⁹.

О дальнейшем ходе событий одинаково рассказали два разных источника. Судьи Стрелецкого приказа: боярин кн. Ю.А. Долгорукий, окольниковый П.П. Языков и дьяк Михаил Прокофьев “без царского суда” обвинили челобитчика в клевете и осудили на наказание кнутом. Товарищи освободили осужденного, а командовавший расправой дьяк удрал. После этого стрельцы уже “скопом”, отправились на двор боярина кн. Долгорукого и подали ему подписную челобитную на своего полковника “и роспись во всяких обидах и в работах, и в посулах”⁶⁰. Замять инцидент не удалось и дело вновь вернулось на царский суд. Его решение сохранили разрядные книги: великий государь “указал ево, Семена, послать в Тотму, и вотчины отнять, и ис полковников отставить”⁶¹. До указа о ссылке полковника посадили в тюрьму на бывшем Английском подворье⁶².

27 апреля 1682 г., в день смерти царя, стрельцы приказа Грибоедова судом были вполне удовлетворены и без колебаний целовали крест новому царю – Петру Алексеевичу. Но у стрельцов других приказов также имелись жалобы, и чтобы напомнить правительству о своих нуждах стрельцы приказа А.Ф. Карандеева выбрали очень резкую форму протеста – вообще отказались от присяги “и великий государь указал к ним послать уговаривать...”⁶³. “Уговоры” свелись к обязательству принять и разобрать жалобы стрельцов. В документах по имени назван и “заступник” полковников: дед Петра боярин К.П. Нарышкин “бил челом о нем, Семене Грибоедове, чтобы ево свободить ис тюрьмы. И по тому ево боярскому челобитью он, Семен, ис тюрьмы свобожен до указу”⁶⁴.

В результате С.Ф. Грибоедов оказался на свободе, а у стрельцов опять появились весомые причины для недовольства – “и сего

ради служилые люди, стрелцы и салдаты, между собою совет сотвориша всеми полками, во единомыслии сташа, глаголюще сице: како бояре завладели всем государством; ...яко мы на бояяр восстанем, понеже бояре что хотят, то и творят, а служилым де людем несть разсмотрения; и того ради им от бояяр терпети невозможно...”⁶⁵. Чтобы подтвердить серьезность своих намерений, стрельцы предприняли акцию, неприятно поразившую современников: “сташа во всех полках стрелцы и салдаты, вооружшеся, аки противу неприятеля... в своих слобода[х] в Земляном граде, и стражи укрепивше крепкие... с пушечным и с мелким огненным боем, с самопалы, с копии, з бердыши и со всем воинским оружием, окружившеся у съезжих изб деревянными походными служилыми городки, яко во осаде седши, и всякое оружие к бою наготове держажу, и пребыша тако многия дни...”⁶⁶. Эта единичная запись в “Летописце 1619 г.” обычно трактуется как начало стрелецкого восстания. Но судя по описанию, оставленному весьма далеким от воинских дел монахом, акция носила откровенно демонстративный характер.

По рассказу Б. фон Розенбуша, 28 апреля стрельцы сохраняли полнейшее спокойствие. Вероятно, это было частью договоренностей между стрельцами и представителями правительства – отсутствие каких-либо акций протеста в день царских похорон. В субботу, 29 апреля делегации от стрелецких полков пришли к Теремному дворцу “и потребовали от нового царя наказания девяти полковников и взыскания с них всех проторей и убытков по точному реестру, – иначе найдут себе суд сами, перебыют полковников, оберут их дома на уплату своих долгов, да и не останются на этом, а разделаются и с другими изменниками (разумея под ними некоторых вельмож), и назвали имена некоторых лиц, участвовавших преимущественно в правлении”⁶⁷. Рассказ Б. Розенбуша полностью подтверждается разрядными книгами. 29 апреля “били челом великому государю в насильствах и в налогах, и во всяких разореньях стрельцы на полковников и на пятидесятцких” стрельцы одиннадцати приказов. К челобитчикам присоединились солдаты Второго Выборного (Бутырского) полка генерала М.О. Кравкова. По сообщению разрядных книг, великий государь “указал у них челобитныя принять, и за ними сидеть светейшему патриарху з бояры, и полковников роспрашивать против их челобитья. А к ним [стрельцам] в приказы указал великий государь послать их уговаривать думнаго диака Посольского приказу Ла-

риона Иванова. И думный диак к ним ездил и великого государя указ им сказывал”⁶⁸.

Одновременно начались расправы с младшими командирами. В “Летописце 1619 г.” описана процедура стрелецкого суда: “взяв на съезжие избы и учиня круги по обычаю донских казаков, самовольством приговаривали на тех сонмищах, – кому какое наказание чинити”⁶⁹. Критерий известен один – “которые ушничали”⁷⁰ с ними, полковниками, заедино”⁷¹. Наказания дифференцировались – доносчиков били палицами, “грабили” (видимо, забирали имущество); для особенно злостных было предусмотрено особое наказание – с караульных башен обвиненного сбрасывали на землю⁷². Но обвинять их в убийствах не рискнул даже А.А. Матвеев. По его рассказу, виновных “нагло ухватя, из съезжих своих изб выводили на самые высокие каланчи, то есть на караульные башни, и, взяв за руки и за ноги, размахивали [и] на землю сверху так бесчеловечно и жестоко бросали... что ни один из тех побитых не нашелся целым”⁷³.

На разбор стрелецких жалоб понадобилось два дня – 29–30 апреля. По результатам расследования было принято решение: “послать в тюрьму полковников, на которых били челом ему, великому государю, стрельцы, и вотчины у них отнять. И против челобитья их указал на них все доправить и их от тех приказов отставить”⁷⁴. 1 мая под стражу были взяты еще два полковника (К. Кром и И. Щепин) и всем им “учинено наказание”: С.Ф. Грибоедов и А.Ф. Карандеев были осуждены на битье кнутом, и еще 12 – на битье батогами⁷⁵. Таким образом, виновными были признаны 14 полковников из 19 имеющихся.

По рассказу Б. фон Розенбуша наказание проводилось «в понедельник и во вторник, 1-го и 2-го мая. Полковники перед приказом были раздеты, положены на брюхо и сечены до тех пор, пока стрельцы закричат “довольно”. Некоторых ненавистных клали по два, по три раза, и ломали об них по две и по три пары палок; других, не столько виноватых, секли меньше, по усмотрению стрельцов, которым никто поперечить не смел... Полковники приносили наложенную на них пеню по две тысячи рублей, иные меньше; принесших отпускали, замешкавшихся ставили на правез всякий день по два часа, пока они не выплачивали долга. Так продолжалось восемь дней. Полковники, расплатясь, разъехались по своим деревням»⁷⁶. Русские источники сообщают ряд дополнительных подробностей. По сообщению “Летописца 1619 г.” “по указу великого государя за их вины пред Иноземским приказом на пло-

щади при челобитчиках и при народе учинено наказание: *снем рубашки, биты батоги нещадно вместо кнута* (здесь и далее выделено мной. – М.З.), в первых Александра Федорова сына Карандеева, Семена Грибоедова, Андрея Семенова сына Дохтурова, Григорья Семенова сына Титова; *не биты, у наказания стояли роздеты*: Никифор Колобов, Матфей Вешняков, Павел Глебов, Никита Борисов, Александр Тонеев; *и иных многи[x] с ними в таких же винах они, стрельцы и салдаты, простили*⁷⁷. Итак, наказанию подверглись только четверо полковников из 14, а прочих стрельцы простили.

3–4 мая обвиненные стрелецкие полковники “разыскивали” деньги для уплаты “начетов”; 5 мая к злостным неплательщикам применили обычное в таких случаях средство воздействия – правеж⁷⁸. В “Летописце 1619 г.” добавлено, что “у правежу стояли розных приказов дяки”⁷⁹, т.е. процедура была полностью законной, без всяких следов стрелецкой самодеятельности. Стрельцов интересовали именно деньги. Полковник И.Ф. Полтев, например, заплатил 2300 рублей еще до 15 мая и благополучно уехал в деревню⁸⁰. У Я.Ю. Лутохина конфисковали имущество; Ф.А. Мещеринов выплатил “начетные” деньги стрельцам сразу нескольких приказов. М.О. Кравков “сидел за караулом до росплаты в Приказе судных дел в казенке по июль месяц”⁸¹.

Итак, стрелецкое “возмущение” свелось к подаче коллективной челобитной 29 апреля 1682 г. и самосуду, учиненному над младшим командным составом. Его (сотников, пятидесятников и десятников) стрельцы выбирали из своей среды, поэтому учиненные над ними “расправы” могли быть избыточно энергичной формой перевыборов. К сожалению, нам неизвестно как проходили выборы у стрельцов; вполне вероятно, что такая форма – явление заурядное⁸². А современники обратили на нее внимание исключительно из-за массового характера – процесс охватил все московские полки. Но самое любопытное в этой истории – полнейшее соблюдение стрельцами всех законов Русского государства. Челобитные были поданы в установленном порядке, рассматривала их боярская комиссия, и она же вынесла судебное решение. Правеж денег на полковниках осуществлялся под присмотром дьяков, на полученные деньги в Стрелецком приказе выдавали расписки. Самосуд на стрелецких кругах мог сойти за обычную драку. То есть у стрельцов не имелось причин бояться возмездия со стороны государства – никаких законов они не нарушили.

“НАРЫШКИНЫ” И “МИЛОСЛАВСКИЕ”
ИЛИ MAIORES ПО-РУССКИ

В России, как и в любой европейской стране, политическая элита (в нашем случае это члены Боярской думы), создавали коалиции. Но говорить о таких группах сложно, хотя бы в силу отсутствия разработанной и общепризнанной терминологии. Появившиеся в научной литературе XIX в. понятия “партия Милославских” и “партия Нарышкинах” были: 1) модернизацией явления, поскольку традиционные практики объединений российской элиты никаким образом не соответствовали понятию политической партии, а именно такое понятие подразумевалось авторами; 2) гиперболизацией того же явления, так как возникала иллюзия некой особой значимости представителей родов Нарышкиных и Милославских до 1682 г.

Основным типом горизонтальных общественных отношений в России XVII в. была разветвленная система микроколлективов, связи внутри которых регулировались не столько политическими убеждениями, сколько родством, традицией и личными зависимостями. Вершину такой коалиции составлял боярский род (или клан), к которому примыкали представители самых различных общественных страт – провинциальное и столичное дворянство, дьячество и даже холопы – доверенные слуги и дружинники (боевые холопы). Определять их состав при современном состоянии источников – задача безнадежная, так как любое предположение невозможно доказать, но столь же невозможно убедительно опровергнуть. Члены такой коалиции в стратегиях своего поведения ориентировались на покровителя – патрона, который в свою очередь нес перед всей патронируемой группой определенные обязательства. Подобный тип отношений хорошо известен еще со времен Римской республики и получил обобщенное название – клиентская община.

Разумеется, чем древнее, знатнее и богаче был род покровителя (в Риме их называли “старшими” – maiores), тем мощнее и влиятельнее была и складывавшаяся вокруг него клиентела. Такие объединения Г.С. Кнабе определил как “клики, которые постоянно боролись между собой за выгоды, влияние и власть”⁸³. Это дефиниция с долей условности приложима к реалиям, сложившимся в России к концу XVII в. Российские “партии” – это объединения влиятельных родов, которые заключали между собой либо долговременные (обычно династические) союзы, либо “дружили” на временной основе для достижения каких-то сию-

минутных выгод⁸⁴. Союзы “Милославских” и “Нарышкиных” по-настоящему оформились только в конце 80-х годов XVII в. – для решения вопроса кто же будет стоять во главе страны: царевна Софья Алексеевна или Петр I.

Перенос последующих событий 1687–1689 гг. на события династического кризиса весны 1682 г. сыграл с исследователями не-веселую шутку: разбор свидетельств оказался подмененным поисками какой-то особой роли Нарышкиных или Милославских. Фактически же, внутри реально значимых боярских объединений и та, и другая фамилия играли далеко не ведущую роль.

Коалиция, которую принято называть “Милославскими”, объединяла членов правительства России 1680–1682 гг. – князей Одоевских, Долгоруких, В.В. Голицына и собственно И.М. Милославского. Все они имели боярские чины, возглавляли функциональные группы приказов и имели самое непосредственное влияние на принятие государственных решений – и как члены Боярской думы, и как приближенные царя.

Часть группы состояла из бояр, которые служили еще отцу Федора Алексеевича. В первую очередь, это глава Стрелецкого приказа кн. Ю.А. Долгорукий и его сын, “военный министр” России кн. М.Ю. Долгорукий. К их числу относились и двое князей Одоевских – судья Расправной палаты кн. Никита Иванович и его сын кн. Яков Никитич, которому был “приказан” Казанский дворец – огромное территориальное ведомство с собственными войсками и немалым бюджетом. Вторая часть состояла из людей, выдвинувшихся из личного окружения молодого царя. Наиболее яркой фигурой среди них был “премьер-министр” – кн. Василий Васильевич Голицын, с 24 ноября 1681 г. возглавлявший Ответную палату (Приказ земских и ратных дел). Огромным влиянием пользовался и еще один царский приближенный – дворецкий кн. Василий Федорович Одоевский, с 1680 г. руководивший обширным дворцовым хозяйством. Представление же о “всесилии” в это время И.М. Милославского полностью базируется на не критически воспринятом сообщении В.Н. Татищева – “Как он скоро в Москву прибыл, то немедленно во все дела вступился и всем властвовать начал”⁸⁵. И.М. Милославский действительно возглавлял Приказ Большого прихода с подчиненными ему четвертями (Владимирской, Костромской и Галицкой), но 22 мая 1680 г. был полностью отстранен от решения всех финансовых вопросов⁸⁶. В его компетенции остались только суд, “воеводские отпуски” и “всякие расправы”⁸⁷. Это тоже было немало – должность вое-

воды считалась доходной; в своих челобитных дворяне, ничуть не смущаясь, указывали причину просьбы о назначении воеводой – “подкормиться”. Пользуясь своим влиянием при дворе Милославский мог препятствовать или способствовать назначению. Несомненно, что ему перепали “доброхотные даяния” и от решения судебных дел. То есть должность у него была доходная, но не слишком ответственная – как раз для царского родственника, не имеющего никаких особенных способностей.

Еще более аморфным выглядит объединение, которое в научной литературе считают “партией Нарышкиных”. Она почти полностью состояла из опальных лиц. Ее условный глава, боярин А.С. Матвеев с осени 1676 г. находился в ссылке. Похожая судьба постигла и самих Нарышкиных. Братья вдовствующей царицы Натальи Кирилловны – Иван и Афанасий 8 августа 1677 г. были сосланы в Рязьк по обвинению в замысле цареубийства. Повод подал 18-летний Иван, который в иносказательной форме подстрекал своего человека Ивана Орла *застрелить* царя Федора Алексеевича, да еще и при свидетелях: “говорил ты... на Воробье и в ыных местех про Царское Величество при лекаре Давыдке”⁸⁸. Разумеется, Давыдка донес и “в тех словах пытан и огнем, и клещами зжен многижды и перед Государем, и перед Патриархом, и перед бояры, и отцу своему духовному в ысповезде сказывал прежние ж речи: как ты Ивашко Орлу говорил, чтобы благочестиваго царя убил”⁸⁹. Федор Алексеевич наложил опалу на родню малолетнего Петра, отправив кого в ссылку, кого на воеводство в отдаленные города⁹⁰. Помилован был только глава рода, боярин Кирилл Полуектович, который с младшими сыновьями остался в Москве “за караулом”⁹¹.

Слухи о возможном возвращении к власти Нарышкиных и связанного с ними опального боярина А.С. Матвеева возникли в связи с возможной угрозой династического кризиса. 14 июля 1681 г. скончалась царица Агафья Симеоновна (урожд. Грушецкая), а 21 июля – ее новорожденный сын Илья⁹². Встал вопрос о новом браке Федора Алексеевича с неизбежной борьбой придворных группировок за право предложить царю свою избранницу. Это совпало со скорбью и прогрессирующей болезнью молодого царя. Нидерландский резидент в Москве Иоганн ван Келлер сообщил об этом своему правительству в августе 1681 г.⁹³ В этом же донесении он привел придворные слухи – молодой и способный царевич Петр является кандидатом на русский престол, он очень любим царем. В таком случае неизбежно, – добавил Келлер, –

вернется в Москву Артамон Матвеев, попавший в опалу в конце царствования Алексея Михайловича и сосланный на Север⁹⁴.

К числу “Нарышкиных” причисляют также царских приближенных – оружейничего боярина Ивана Максимовича Языкова и Лихачевых – постельничего Алексея Тимофеевича и казначея Михаила Тимофеевича. Именно их Сильвестр Медведев назвал “временниками”, а Языкова и вовсе изобразил аморальной личностью: “якоже Иоанн Языков, по совету полковников, усюветовует, заповеда тако над невинными стрелцами по неправедному розыску. И учиниша лутчих людей, челобитчиков того полку, бивше кнутом... и тем всех приказов стрелцом страх велий содеяша”⁹⁵. При жизни царя они безусловно были влиятельными фигурами. По сообщению нескольких источников именно Языков и братья Лихачевы устроили второй брак Федора Алексеевича с Марфой Апраксиной и выхлопотали частичное прощение для А.С. Матвеева⁹⁶. Им же отводят решающую роль в организации “заговора” в пользу избрания Петра в обход старшего брата⁹⁷. Но могло ли такое быть?

Как мы видим, места в системе “maiores” объединению “Нарышкиных” не находится. Все члены этой группы были “худородными” – выходцами из бедных провинциальных дворян, выдвинувшиеся либо за счет царского фаворитизма (Языков и Лихачевы), либо получившие боярство в качестве родственников царицы Натальи Нарышкиной (К.П. Нарышкин). Создать свою систему клиентских связей они фактически не могли: у придворных “временников” не было ни времени, ни казенных должностей, связанных с распределением материальных благ, а у опальных: Нарышкиных и А.С. Матвеева в активе не имелось даже придворного положения. Противопоставить сплоченной и родовитой правящей коалиции им было просто нечего. Тем не менее, считается что именно “Нарышкины” после смерти Федора Алексеевича 27 апреля 1682 г. “захватили власть”. Поэтому вполне вероятным будет предположение, что за спиной “Нарышкиных” стояла другая группа “клик”, оппозиционно настроенных как к Федору Алексеевичу, так и к правившей от его лица коалиции.

У бояр было много причин быть недовольным правлением Федора Алексеевича. Их имущественные интересы серьезно пострадали от перераспределения государственного земельного фонда, начавшегося в 1677 г., и налоговой реформы 1679 г. Угрозой целостности боярского землевладения стали “валовые писцы”, с осени 1680 г. приступившие к измерению и межеванию

земельных участков “в указные статьи, а не в оклады” (т.е. не в размере земельного оклада, а по указам). Незаконно “примеренные”⁹⁸ участки они без всякой жалости отписывали на государя и тут же пускали в поместную раздачу. Эта работа сопровождалась выдачей владельческих документов на землю – отводных выписей, что делало весьма проблематичным пересмотр результатов земельного передела в дальнейшем⁹⁹.

Весьма специфический характер в этот период приобрела и политика назначения на должности. Центральные учреждения России XVII в. – приказы – обычно возглавляли члены Боярской думы: бояре, окольные и думные дьяки, называвшиеся “приказными судьями”. 7 ноября 1680 г. часть приказов была вообще ликвидирована или слита с другими, а назначения судьями получили люди “невидные и неродословные”. С осени 1680 г. даже во главе традиционно “боярских” приказов (Владимирский и Московский Судный, Поместный, Земский) мы видим стольников. Но бояре по-прежнему хотели управлять приказами. Это отчетливо видно из нешуточного конфликта интересов, который проявился летом 1682 г. – за освободившиеся должности развернулось подлинное сражение¹⁰⁰.

Так что оппозиция у Федора Алексеевича была. И состояла она из богатых и родовитых семей с обширной клиентелой и влиянием как в столице, так и в провинции. Именно это обстоятельство и определило выбор боярского большинства. Поддержка Иоанна Алексеевича (за которым как раз и стояли “Милославские”) означала продолжение непопулярной в боярской среде политики уступок столичному и провинциальному дворянству, а также посадскому населению. Выбор в пользу Петра давал возможность возвращения к прежним порядкам хотя бы до его совершеннолетия.

От периода 27 апреля – 15 мая сохранилось около двух десятков правительственных постановлений; в первую очередь – об изменениях в придворном штате самого царя. Противоречивость принятых в этот период решений свидетельствует о том, что никакой победы “Нарышкины” не одержали. Началась самая откровенная борьба московских “клик” “за выгоды, влияние и власть”. В день царской смерти государственную казну опечатали кн. Я.Н. Одоевский¹⁰¹, которого к числу доброжелателей Нарышкиных невозможно отнести при всем желании¹⁰². 28–30 апреля из Оружейной палаты царице Наталье Кирилловне были выданы относительно небольшие суммы – 200 и 100 рублей¹⁰³. Буквально

на следующий день И.М. Языков (фактический глава Оружейной палаты) оказывается в числе опальных, а деньги из нее начинают поступать в распоряжение сестер царевича Ивана. Суммы были не в пример солиднее – 5 мая им было “внесено” 1000 золотых и 3200 рублей, а 6 мая – еще 900 золотых¹⁰⁴. Торопливый указ о пожаловании Ивана Кирилловича Нарышкина чином боярина и оружейничего от 7 мая¹⁰⁵ – не что иное как попытка “Нарышкиных” сохранить контроль хотя бы над царской сокровищницей.

1 мая было принято еще одно решение: “сказано боярину Ивану Максимовичю да сыну ево Семену чашнику Ивановичю Языковым, постельничему Алексею Тимофеевичю да казначею Михаилу Тимофеевичю Лихачевым, да стольникам ближним Ивану Андрееву сыну Языкову да Ивану Среднему Васильеву сыну Дашкову, чтоб оне во время выходу великого государя не ходили и ево государевых очей не видали”¹⁰⁶. Бросается в глаза обезличенный формуляр записи указа: не “великий государь указал”, а просто “сказано”. Записывавший это решение подъячий так и не сумел подобрать подходящую к случаю протокольную форму. Возникает предположение, что родовитые бояре указали царским неродословным фаворитам, в том числе и Языкову, на дверь, а у Нарышкиных не хватило влияния защитить своего союзника.

С 6 мая перевес начал определенно склоняться на сторону Боярской думы. В этот день было указано посадских выборных, которые “присланы были к Москве для разборов и изрвнения во всяких службах и податях с посадов в двойниках – всех отпустить по домом”¹⁰⁷. Вероятно, в это же время были расформированы дворянские комиссии, обсуждавшие наказ валовым писцам. А 11 мая именным указом с боярским приговором было прекращено и само валовое письмо: “и ныне указали мы, великий государь, и бояре наши приговорили: *писцом нигде не быть*, а которые писцы и подьячие отпущены были... и тех писцов и подьячих взять к Москве тотчас”¹⁰⁸. Отзыв писцов означал прекращение выдачи отводных грамот на земельные участки и крепостных документов на посаженных на землю крестьян. А разгон дворянских и посадских комиссий, совершенно недвусмысленно указывал, в каком направлении впредь будет развиваться внутренняя политика.

Вероятно, причины столь радикальной смены курса кроются в расколе доселе единого правительства. Бояре кн. Долгорукие были видными деятелями царствования Федора Алексеевича. Но это вовсе не означало, что они полностью разделяли идеи “реформаторов”. Кн. Юрий Алексеевич, например, резко возражал

против ссылки А.С. Матвеева и, видимо, ничего не имел против его возвращения к власти. Зато против был кн. В.В. Голицын – он уже был фактическим правителем России и отдавать власть не собирался.

Сообщения источников этого периода достаточно лаконичны и развернутых выводов делать не позволяют. Но одно несомненно – примерно с 8 мая начинается постепенный разгон Ответной палаты (Приказа ратных и земских дел) – учреждения, которое стояло за всеми реформами последнего года¹⁰⁹. 8 мая от должности заместителя кн. М.Ю. Долгорукого освободили думного генерала В.А. Змеева¹¹⁰. До 8 мая вопрос о соответствии В.А. Змеева занимаемой должности никто не поднимал. 10 мая кн. Д.А. Борятинского назначили сходным воеводой “к Казани против башкирцев”, т.е. попросту выслали из Москвы¹¹¹. 11 мая “по стрелецкому челобитью” от командования придворным Стремянным полком был отстранен И.Ф. Полтев, также активно работавший в Приказе ратных и земских дел. Это решение тоже не обошлось без скандала – назначение получил Н.Д. Глебов, но в разрядной записи оно записано в конце строки вместо зачеркнутого: “полуполковнику того же приказу Ивану Цыклеру”¹¹². То есть первоначально эту ключевую должность предполагалось отдать стороннику Голицына – Ивану Елисеевичу Цыклеру.

А князя Долгорукие свои позиции понемногу укрепляли – 9 мая, например, “товарищем” Юрия Алексеевича Долгорукого в Стрелецкий приказ назначен его верный сторонник кн. Г.А. Козловский¹¹³. В свое время, еще в 1676 г., кн. Козловский прямо на лестнице у Грановитой палаты устроил драку со стряпчим Свиным, который якобы сказал ему “а ты де хто, небылична князь”. Расследование было поручено кн. Ю.А. Долгорукому, который сумел замять дело¹¹⁴.

Вечером 12 мая в Москву въехал и Артамон Сергеевич Матвеев. В дореволюционной историографии его упорно называли “правителем”. Но должностей и даже чина боярина в результате опалы он лишился, а новых получить просто не успел. Так что представления о “всемогуществе” опального боярина не соответствуют действительности¹¹⁵. Матвеев въехал в Москву всего лишь влиятельным лидером оппозиции.

В Москве А.С. Матвеев деятельно искал союзников. После царя и патриарха он сразу направился к своему старому товарищу – боярину кн. Ю.А. Долгорукому. Очевидно, что он намеревался договариваться о каких-то совместных действиях и эти пе-

реговоры носили секретный характер¹¹⁶. Можно предположить, что предметом этих переговоров была сама должность судьи Стрелецкого приказа. Возможное назначение главой Стрелецкого приказа А.С. Матвеева давало бы “Нарышкиным” решающий перевес – он, как бывший стрелецкий полковник, пользовался популярностью в стрелецкой среде, имел опыт подавления гражданских беспорядков, и, опираясь на законно полученную должность, действительно смог бы стать регентом на все время малолетства Петра. Для этого требовалось получить согласие самого кн. Ю.А. Долгорукова и заручиться поддержкой всех его сторонников. Вероятно, такое согласие было получено. Как следует из дальнейшего хода событий, при дворе далеко не все были довольны этим компромиссом.

Уже 14 мая по Москве поползли отвратительные слухи. По рассказу Б. Розенбуша “Иван Нарышкин, бывший всегда дерзким молодым человеком, не уважал старых бояр и драл иных за бороду (самое большое бесчестье в здешней стороне), и они жаловались будто об этом стрельцам. Стрельцы рассказывали также публично на улицах, в воскресенье после обеда и в понедельник по утру, 14-го и 15-го мая, что упомянутый Иван Нарышкин надевал на себя царскую одежду и садился на царский престол, говоря, что ни к кому не пристал венец так, как к нему, за что младшая царица-вдова и царевна Софья Алексеевна, в присутствии царевича Ивана Алексеевича, упрекали его жестокими словами, за которые он разозлился, соскочил с престола, бросился на царевича душисть его. Царевны начали кричать, и караульные его удержали”¹¹⁷. Еще одну порцию городских сплетен сохранил для нас “Летописец 1619 г.”: “Иныя глаголаше, яко благоверная царица и великая княгиня Марфа Матфеевна... из своих царских полат убежав на крылцо, слезно плачущая, с воплем говорила караульным стрелцом, яко Нарышкины, Иоанн з братом, ее, государыню, били и косу оторвали, а государя царевича и великого князя Иоанна Алексеевича всея России хотели задушити подушками. А царевну Софию Алексеевну по ланитам били и за власы драли; и в царское одеяние он, Иоанн, одевался и на месте царском садился...”¹¹⁸.

Обратим внимание – “жаловались стрельцам”, “стрельцы рассказывали”, “слезно плачущая, с воплем говорила караульным стрелцом”. Становится очевидным кому эти истории были адресованы. Гвардию московских государей – “стрельцов московских” – откровенно провоцировали. А как мы помним – понятие верности и чести были для них вовсе не пустым звуком...

КОГДА КОНЧАЮТСЯ АРГУМЕНТЫ

Заседание Боярской думы, на котором и предстояло окончательно поделить власть, было назначено на понедельник: “мая в 15 день, умысля царские изменники и всему Московскому государству разорители, съехались они, изменники, в Верх к великому государю...”¹¹⁹. О заседании Боярской думы пишет в своих записках и Б. Розенбуш: “В понедельник, 15-го мая, в полдень (пока бояре находились большею частью еще в Думе), стрельцы, содержавшие караул при царских покоях, закричали, что Иван Нарышкин хочет задушить царевича Ивана. Одни, бывшие в Кремле, побежали на башню и ударили в набат, другая толпа побежала в царские покои, другие запирают ворота; не велено было никого выпускать. Некоторые бояре хотели уйти из Кремля, другие, не звавшие за собою ничего хорошего, попрятались в потаенные места...”¹²⁰. Итак, мятеж начался в самом Кремле: съехавшиеся в Думу бояре оказались запертыми, а в стрелецкие полки помчались вестники – А. Милославский и П. Толстой. Они громко кричали, что “Нарышкины царевича Иоанна задушили, и чтоб с великим поспешением они, стрельцы, шли в город Кремль”¹²¹.

Стрельцы к такому призыву оказались не готовы. Чтобы это подтвердить, следует принять во внимание российские традиции часового счета. В Москве время делили на дневные (от рассвета) и ночные (от захода солнца) часы. В мае в Москве рассветает около шести; соответственно – шесть утра это “первый час дни”. Как мы уже видели, события начались около полудня. И все имеющиеся в нашем распоряжении источники изображают именно картину *поспешных* сборов стрелецких полков: «в осмом часу дни в набат ударили, и прииде вестник из государевых царских полат ко стрелцам: “Вы, стрельцы государевы, не знаете, что во царских полатах учинилася, утхла у нас звезда поднебесная, не стало болшаго брата государева царевича Ивана Алексеевича”»¹²². Час восьмой – это соответственно, 13 часов по нашему счету. То же мы видим и в “Записках” А.А. Матвеева: “Тотчас начали они, стрельцы, у тех же своих съезжих изб собираться, в церковных приходах бить в набаты и соединяться полки с полками к своему походу... в девятом часу дня ото всех сторон наскоро побежали они в Кремль...”¹²³. Еще один вариант: “услышавше сия глаголы от тех прелестных мятежников... бысть же сие уже в 10 час дни, вси полки возмутишася, ис полка в полк вести подавши съезжих изб вестовыми пищальми и удариша в сполошныя борабаны, и у приходских своих церквей в колокала бияху по-набатному...”¹²⁴

То есть стрелецкое возмущение началось не ранее часа дня и стрельцы собирались “наспех”. Стрелецкие и полковые слободы располагались у наружных стен столицы – Земляного города. Соответственно, им требовалось время, чтобы дойти до центра Москвы. Источники рисуют вполне четкую картину: “Стрелцы, все приказы, и выборной полк, салдаты, пришли в город в Кремль во 11 часу дни”; “в 11 часу дня собрався они, стрелцы всех приказов... и ходили в Кремль”; “стрельцы, все приказы и выборной полк, салдаты пришли в город в Кремль во 11 часу дни...”¹²⁵. То есть “зверское избиение бояр” началось вовсе не утром, а не раньше 16 часов. Логично, что расправы продолжились и ночью – “в 1 час ночи приведоша из двора боярина Иоанна Максимовича Языкова”¹²⁶.

Сомнительным является утверждение, что в мятеже приняли участие стрельцы всех полков. В ведомости на получение “зеленые казны” с Пушечного двора вечером того же 15 мая значатся стрельцы всего семи полков – Стремянного (Н.Д. Глебова), полков Семена Полтева, Михаила Ознобишина, Андрея Нармацкого, Петра Лопухина, Федора Головленкова, Лаврентия Сухарева¹²⁷. Но даже такого количества стрельцов оказалось достаточно, чтобы “внидоша во град царский всеми враты: Спаскими, Николаевскими, Троицкими, Предтечинскими, и стаща круг царева двора со всех стран, отыкався копии и бердыши, яко к неприятелскому граду приступати хотящим”¹²⁸. Это известие дополняет разрядная запись: “была на Москве смута: приходили в Кремль салдаты Матвеева полку Кравкова да стрельцы всех приказов с копыи и з бердыши и с ружьем, а пушкари с пушки, и, вшед в Кремль, стреляли из ружья и побили боярских людей и лошадей многих, а иных переранили”¹²⁹. Из этого следует, что караульные стрельцы на воротах своих товарищей пропустили беспрепятственно, а сопротивление оказали только боярские холопы, ожидавшие разъезда господ. Специфический характер приобрела и поддержка выступления стрельцов “черным людом” – при первых известиях о приближении стрелецких полков народ начал разбегаться с Красной площади. Очевидец записал впечатления об этом вполне определенно: “еще стрелцом и не пришедши в Кремль, весь народ восколебася, каждый побеже восвосяи, и из рядов торговые люди и лавочныя сиделцы из лавок вышли, и все ряды заперли; и страха ради и ужаса не ведят, камо бежати, всех страх и ужас обья”¹³⁰.

В том, что примчавшиеся в Кремль стрельцы потребовали предъявить им царевича Иоанна Алексеевича, согласны все источники. Гораздо труднее восстановить ход следующих событий. В разрядной записи совершенно недвусмысленно изложено еще одно требование стрельцов: “и они били челом великому государю и бояром, извещали, чтоб им указал выдать бояр князь Юрья Алексеевича Долгоруково, князь Григорья Григорьевича Ромодановского, князь Михаила Юрьевича Долгоруково, Кирила Полуехтовича Нарышкина, Артемона Сергеевича Матвеева, Ивана Максимовича Языкова да боярина и оружейничего Ивана Кирилловича Нарышкина, постельничего Алексея Тимофеевича Лихачова, казначея Михаила Тимофеевича Лихачова, чашника Семена Ивановича Языкова, думных дьяков Лариона Иванова, Григорья Богданова, Данила Полянского, Аверкея Кирилова, спальников Афонася, Льва, Мартемьяна, Федора, Василья, Петра Нарышкиных”¹³¹. По версии той же разрядной записи, царь, де, велел объявить, что указанных людей во дворце нет. Но это было не так – боярин А.С. Матвеев стоял на Красном крыльце у всех на виду, а боярин кн. М.Ю. Долгорукий и вовсе спустился вниз, к Золотой решетке, и “унимал их, стрельцов, жестокими словами, чтоб они тотчас назад шли в свои полки из Кремля”¹³².

То, что дальнейшие переговоры бессмысленны, стоявшие на крыльце понимали: «и, видя их такое суровство, и неистовство, и немилосердную жесточь, благоверная государыня царица и великие государи, и вси бояре упование возложше на вседержителя Бога, знаменовавшись вси крестным знамением, глаголюще: “Воля Божия да будет!” И поидоша государи с крыльца Красного за преграду во свои царския полаты»¹³³. Так что история о том, что озверевшие стрельцы в ключья изодрали Матвеева прямо на глазах у десятилетнего Петра – одна из исторических легенд.

Отступление царской семьи и придворных, вероятно, и стало сигналом к началу расправы. По словам А.А. Матвеева “от дворцовой стороны, из сеней Грановитой палаты, вырвались других полков стрельцы... и с тиранским нападением бесстыдно оторвав его, Матвеева, от рук царских величеств, похитили”¹³⁴. Какие стрельцы могли “вырваться” из сеней Грановитой палаты? Только караульные стрельцы Стремянного полка Н.Д. Глебова, которые и несли охрану в царских палатах. Поэтому неудивительно, что А.А. Матвеев в своих записках называет подполковника этого полка И.Е. Цыклера в числе главных заговорщиков¹³⁵. Схватенного боярина, “ухватя за власы, изведши из преграды на крыльцо

Красное, бросиша чрез ограду на площадь стрелцом же на копия¹³⁶. Там же схватили и кн. М.Ю. Долгорукова – “ухватя в проходных сенех, изрубили на Красном крыльце”¹³⁷.

Существует еще одна историографическая легенда – стрельцы де “заранее” запаслись лестницами. Источники об этом молчат. Чтобы попасть в Теремной дворец стрельцы “взбежали на Красная и на Постельная крыльцо”. Вероятной причиной их вторжения в царские апартаменты послужила бессмысленная выходка братьев Нарышкиных, которые вместе с подполковником Стремянного полка Г. Горюшкиным начали стрелять по стрельцам из мушкетов: “егда стрелцы внидоша во град, с Верху с Нарышкиными по них стрелял”¹³⁸. Остановить многотысячную толпу тремя выстрелами было невозможно, а вот спровоцировать – легко. Поэтому стрельцы бросились во дворец “яко на приступ, вверх по лестницам идяху во царские чертоги...”, где и разбежались по разным комнатам – “начали с озорнической наглостью бегать не токмо по палатам их царским, но и по всем внутренним комнатам большим и меньшим... и по церквям, которые на сенях в доме царском”¹³⁹. Можно не сомневаться, что в первую очередь стрельцы искали стрелявших – сначала убили не успевшего спрятаться Г. Горюшкина, а потом “в церкви у Спаса же, что в Верху, извлекоша ис-под престола Афанасия Нарышкина”. В “Мазуринском летописце” имеется многозначительное дополнение: оказывается, Нарышкина “свели с Верху потайною лесницею, что к западным дверем к собору, и, выветчи на площадь перед приказу, искололи копыи и изрубили бердыши”¹⁴⁰. Интересно, откуда стрельцам, впервые ворвавшимся в царский дворец, стало известно о существовании потайной лестницы?

Часть стрельцов определенно знала, кого хватать и куда вести. Главу Посольского приказа, думного дьяка Лариона Иванова и его сына, стольника Василия Ларионова, изловили в Теремном дворце. Но на месте убивать не стали – вначале их продемонстрировали толпе, и лишь потом “скинули с Краснова крыльца и изрубили бердыши в части”¹⁴¹. Боярин кн. Г.Г. Ромодановский и его сын Андрей, “не знавшие за собою ничего хорошего”, попытались укрыться у патриарха, что спровоцировало разгром патриаршего дворца: “у святейшего патриарха в Крестовой палате, в ыных в полатах во всех, и во всем дому с ружьем ходили, и бояр искали ж, и святейшего патриарха про бояр с невежеством спрашивали, и дверь у полат вырубили. И дворецкого его по веревки в окно ж метали не однава, и вис на веревки”¹⁴². В результате

боярин с сыном был пойман, выведен на площадь перед зданием приказов и изрублен бердышами.

Другая же часть стрельцов носилась по хоромам, “не уступая не токмо ни единой комнаты, ни чуланов, ниже кроватей и постелей”. В лицо “изменников” они не знали, а потому бросались на всех подряд. Стольника Ф.П. Салтыкова “стрелец прободе копией, и свергоша сверху от Спаса к большому Успенскому собору... позади Грановитой полаты на копия же, не зная: чаяли – Нарышкин, а сказати сам про себя не успел, что Салтыков, исторопилися. И извлечен за град на площадь, и, положи на полсти, принесли ко отцу в дом, глаголюще, яко, не зная, убиша”. Похожая судьба чуть не постигла окольничего И.Т. Кондырева: “сринуша [в] кулаки с Красного крыльца, хотели убить до смерти, да Бог сохранил, не убиша, понеже многим стрелцом знаем и конюшенного чину одобрили, токмо от единого копией прободен не во многих местех”¹⁴³. Заодно стрельцы сводили счеты и со старыми обидчиками. В ходе беготни по Теремному дворцу были порублены “в дробные части” стрелецкий полковник А.С. Дохтуров (он решил спрятаться в печной трубе) и полуполковник Олимпий Юренев. Бывшего стрелецкого полковника Богдана Пыжова бросили “к Спасу с Верху к собору на копы”¹⁴⁴. На последнего стрельцы жаловались еще в феврале 1682 г. и из полковников он был отставлен. Но, как видно, былых прегрешений стрельцы ему не простили.

Эта же неуправляемая толпа, видимо, учинила погром в помещениях судных приказов: “в Холопье приказе записные холопьи книги и всякие писма и казну разгромя, и всякие книги и крепости вынесли на Красную площадь, и все изодрали и розметали, и людем боярским дали волю”¹⁴⁵. Многие годы это известие умиляло советских историков, хотя никаких последствий данная акция не имела. 26 мая били челом “люди боярские розных домов о свободе, чтобы им быть безкабально, и воровские составные челобитные подносили. И великие государи указали их ловить стрельцам и приводить, и, приводя, их пытать и казнить, а иных бить кнутом за их воровское составное челобитье. И велено у всяких чинов, у людей их всяких чинов имать скаски про воровскую составную челобитную и промысл за руками тех людей”¹⁴⁶.

На то, что в действиях стрельцов никакого единодушия не было, прямо указывают и обстоятельства смерти главы Стрелецкого приказа кн. Ю.А. Долгорукого. Ворвавшиеся в дом стрельцы, вытащили было больного князя (“яша со одра”) на крыльцо,

но немедленной расправы не последовало. Началась перебранка (“много было шуму”), в ходе которой требовавшим немедленной расправы стрельцам было предложено со двора убираться (“почели кричать, чтоб стрельцы з двора пошли долой”). Победившие защитники князя тут же принялись праздновать победу (“проломилися в винной погреб, почели пить вино”). Тем временем изгнанные было стрельцы вернулись с подкреплением и “в другой ряд вывели ис полат на крыльцо и бросили в окно с верхнева крыльца на землю”¹⁴⁷. В “Летописце 1619 г.” добавлено: “еще ему живу, извлекше за врата, отсекоша ему главу, и руке, и ноге; над телом же его ругашеся, рагозиною одеша, положше с ним со страны полоть ветчины, з другие рыбу осетра, к нощи же караул поставиша стрещи его”¹⁴⁸.

Последними жертвами погрома, видимо, были И.М. Языков – его стрельцы, нашли “у Николы на Хлынове меж Тверской и Никицкой у попа, и провели в город поздно”¹⁴⁹, и спальник П.Ф. Нарышкин – “в доме своем за Москвою-рекою, внезапным нападением найден и лютомучительской смерти предан”¹⁵⁰. Кроме того, ночью были разграблены городские дворы кн. Ю.А. Долгорукова, И.М. Языкова и думного дьяка Лариона Иванова. В его доме какие-то сообразительные люди “сыскав в доме рыбу каракатицу, за ядовитую вменили змею и, ругаясь над ним, на Красной площади при его теле положили” – “повесивше на коле подле тела... и подписаха: яко теми змяями хотяху изменницы преводити царский род и стрелцов”¹⁵¹.

Чтобы еще не разысканные “изменники-бояре” из Кремля не удрали, стрельцы “поставиша кругом Кремля караулы со знаменны и со оружии”, заблокировавшие все проходные кремлевские ворота¹⁵². Об этом же сообщает и Розенбуш: “Половина стрельцев осталась в Кремле, другие вышли стеречь ворота, иные продолжали искать назначенных в списке, нападали на их дома и соседние, и везде тщательно обыскивая, но не трогали никакого имущества и не брали ничего с собою”¹⁵³. Выбранные в караулы стрельцы получили с Пушечного двора оружие и зелейный запас, не забыв оставив расписки¹⁵⁴.

Этот момент очень существенный. Прекрасно осведомленный Исидор Сназин тоже пишет о полном порядке, который стрельцы поддерживали в Москве: “в то время выслали на площадь в Китай стрельцы бирича кликати, чтоб боярских дворов и посадцких людей и лавок не грабили. И послали з знаменем с чорным сотню салдатов всяких чинов людем говорити, чтоб грабежу никакова

не было: хотя з дву денежным¹⁵⁵ поймают и приведут, тово изрубити. А каторые с поличным пойманы были, – приводили их в город в Кремль с поличным, хто с чем пойман, на площадь к Лобному месту, и на площади у Лобнова места... рубили их всех бес пощады. А иных и, в город не вода, посля бирича и салдацкова оклику, которых приводили с поличным, всех рубили на большом на Красном мосту. И тово дни срубили всякова чину человек з 20”¹⁵⁶. О том же писал и Б. Розенбуш: “Ночью по всем улицам содержалась хорошая и крепкая стража, и все утихло, как будто ничего не случилось, кое-где лишь попадетя пьяный стрелец, который хвалитя своими храбрыми подвигами”¹⁵⁷.

Розенбуш оставил и любопытные заметки о происходившем в Москве 16 мая. Для него день начался с того, что “с рассветом прибыл ко мне окольный Кирилло Осипович Хлопов с сотнею стрельцов”¹⁵⁸. Стрельцы явились не грабить или убивать, а искать царского доктора Даниила фон Гадена, да еще и под командованием окольного. Их действиями Розенбуш остался недоволен: “стрельцы лазили везде, где только можно было пролезть, обшарили все углы и заставили меня открывать им всякий сундук и ящик”, но нигде не утверждает, что его ограбили. Потом к нему в дом явился стрелецкий “капитан” (пятидесятский) и вновь в сопровождении стрельцов: «явился ко мне капитан с 40 или 50-ю стрельцами и сказал мне: “Я имею повеление привести вас во дворец для очной ставки”». Вновь мы наблюдаем ту же картину – стрельцы повинуются своим командирам. Розенбуш писал об этом прямо: “На пути попадались нам шайки стрельцов; но когда мои телохранители сказывали им, что везут посла, который хочет говорить с его царским величеством, то нам тотчас давали дорогу”.

Признаков мятежных настроений Розенбуш не увидел и в Кремле. Следов произошедшего – да, сколько угодно: на площади “лежало много трупов, страшно изуродованных, между которыми я должен был проезжать, что приводило меня в ужас”¹⁵⁹. Но в тоже время датчанин педантично отметил, что ворота в Кремль охранялись (“когда я подъехал к воротам, их отворили и мгновенно опять за мною заперли”), что стрельцы свободно пропустили его к Красному крыльцу (“я подъехал к лестнице, взшел вверх до некоторой площадки, где находились вдовая царица Марфа Матвеевна, царевна Софья Алексевна и несколько бояр. Я намеревался пробраться еще выше, но шедшие за мною стрельцы не могли провести меня, ибо там было так много народу, что

надо было бы по головам ходить”. Бутенант попал в Кремль в самый разгар событий – как раз в тот момент, когда шли переговоры о судьбе Ивана Нарышкина: “выходили к ним говорить государыни царевны, чтоб они, помня крестное целованья, так к ним в дом их государев не приходили с невежеством... они же били челом, чтоб им выдали дохтуров Степана жида да Яна¹⁶⁰. И великий государь указал им их выдать – думнаго дьяка Аверкея Кирилова, дохтура Яна да Степанова сына¹⁶¹. И они их убили же, а тех всех, о которых они великому государю били челом, простили. А Ивана Нарышкина и Степана дохтура государыни царевны упростили до утра, а того дни их не сыскали”¹⁶².

То есть 16 мая переговоры прошли мирно – в Теремной дворец стрельцы не врывались, а только требовали выдать “изменников”. В их ходе царской семье удалось выпросить “прощение” для братьев Лихачевых, уцелевших Языковых, думным дьякам Г. Богданову и Д. Полянскому и младшим детям Нарышкиных – Льву и Мартемьяну. Двоих “изменников” пришлось выдать, но именно выдать. Окончательное решение вопроса о судьбе Ивана Нарышкина перенесли на следующий день.

По рассказу Розенбуша “17-го мая, рано по утру, пришло известие из Немецкой слободы, где живут немецкие офицеры, в полмили почти от города, что доктор Данило, который два дня и две ночи скрывался в Марьиной роще и окрестных местах в нищенском платье, пришел к знакомому, чтоб утолить свой голод, но был узан на улице и задержан”¹⁶³. Стрельцы притащили его не просто в Кремль, а доставили прямо в царские покои. То есть ни 16, ни 17 мая никакого самосуда уже не наблюдалось – стрельцы требовали выдачи изменников, но не больше: «Все им обещано, лишь бы они простили Ивана Нарышкина и доктора Данилу. Они не хотели ничего слушать и говорили: “Отдайте, или мы отыщем сами, и тогда хуже будет. Мы оставляем жизнь старому Нарышкину и его трем меньшим сыновьям, но Иван Нарышкин должен умереть от нашей руки»¹⁶⁴.

После долгих препирательств, Д. фон Гаден и И.К. Нарышкин все же были выданы стрельцам, которые повели их в застенок, в Константиновскую башню “к общему удивлению, ибо со всеми расправа была короткая”. Известия о допросе сохранились откровенно недостоверные: «И начата мучити, испытывая, вопрошаху о царстве: “Каково хотение бысть воцаритися и чего ради на себя одеяние царское надевал и на царstem месте садился, и многую царскую казну имал, и лучшие кони после царя Феодора

Алексеевича всяя России с конюшен побрал себе, и много ли казны взял?»¹⁶⁵ Вопросы, видимо, домыслил сам летописец. Единственный вопрос, который действительно мог заинтересовать стрельцов – действительно ли И.К. Нарышкин пытался организовать убийство Иоанна Алексеевича. Именно эта формула использована стрельцами для оправдания своих действий: «они, Иван и Афанасей, применили его царское величества порфиру и мыслили всякое злое на государя царевича и великого князя Иоанна Алексеевича; а и преж сего они же, Иван да Афонасей, блаженные памяти на брата вашего государя Феодора Алексеевича мыслили всякое зло; и за такое они зломыслие были сосланы всылки»¹⁶⁶.

И, наконец, 18 мая уже вся царская семья «печаловалась» перед стрельцами за главу рода – престарелого Кирилла Полуектовича Нарышкина: «государыня царевна Софья Алексеевна выходила к стрельцам на крыльцо, а Кирила Полуехтович Нарышкин стоял на нижнем рундуке. И царевна стрельцам говорила многое время, а что, не слышать издали. И как стрельцы пошли и боярин Кирила Полуектович трожди стрельцам в землю челом, а за что, не ведомо, не слышать, что говорили»¹⁶⁷. О чем говорили, стало известно в последствии – «указал великий государь ево постричь в Чюдове монастыре, а на постригании указал быть боярину князь Семену Андреевичю Хованскому да окольникову Кирилу Осиповичю Хлопову; и, постригши ево, сослать в Кирилов монастырь; а во инацах имя ему Киприян»¹⁶⁸.

ОБВИНЕНИЕ НЕВИНОВНЫХ

Как видим, и официальные документы, и очевидцы рисуют картину, отличную от версий, предложенных А.А. Матвеевым и Сильвестром Медведевым. Эти авторы предложили объяснения в рамках современных им понятий – или «заговор», или «бунт». Европейец Б. Розенбуш тоже увидел всего лишь бунт – «Главнейшею причиною этого бунта была наглость и дерзость сыновей Нарышкина»¹⁶⁹. Для современного исследователя картина выглядит уже не столь однозначной. В первую очередь, благодаря значительному количеству сохранившихся источников и редкому для их состояния случаю, когда отдельные нюансы общественных отношений стали возможными для наблюдения (пусть даже и в ограниченном объеме).

Так что же произошло? Как мы уже видели, столкновение «Нарышкиных» и «Милославских» произошло на двух уровнях.

В сфере придворной борьбы решался вопрос о том, кто будет управлять государством в период малолетства Петра. Но у придворных были и принципиально различные мнения о направлении внутривластного развития Российского государства на следующие годы. Можно предполагать, что противостоящие друг другу силы были примерно равны. В Боярской думе “Милославские”, вероятно, проиграли. Но развить успех победившая сторона просто не успела. Перспектива правления А.С. Матвеева в союзе с “кланом” кн. Долгоруких совершенно не устраивала “Милославских”, и они обратились к “гвардии” – стрелецким полкам. Разумеется, едва ли кто-нибудь из них заранее планировал устроить инсценировку “стрелецкого бунта”. Но и тянуть с ликвидацией лидеров объединения “Нарышкиных” было просто опасно – включившийся в игру А.С. Матвеев и сам мог организовать что-нибудь подобное.

Любопытно другое. В событиях 14–15 мая просматриваются вполне обычные для наших дней приемы манипулирования общественным сознанием. Получается, что представление о некоей “косности”, присущей “московитской” политической культуре конца XVII в., так же нуждаются в корректировке. Вначале Москву заполнили слухи о боярах-изменниках, отравивших “добротного царя” Федора, об “умышлении” Нарышкиных на царевича Ивана, обидах, нанесенных ими царским родственникам. Затем последовало и прямое обращение к стрельцам с требованием защиты: «посланные навадницы и смутницы на прелесть людем разсеющаяся всюду... глаголаше: “Ох! И горе, и увы нам всем! Что содеяся ныне во царстве, яко великого государя нашего царевича Иоанна Алексеевича всея Росии Кириловы дети Нарышкина Иоанн да Афанасий убили до смерти!»¹⁷⁰.

Фактически московских стрельцов поставили в ситуацию, в которой игнорирование подобного призыва означало прямое пренебрежение долгом. И стрельцы на этот призыв откликнулись. Представление о некоей беспорядочной толпе, ввалившейся в Кремль, изрядно преувеличено. Б. Розенбуш об этом пишет совершенно по-иному: “стрельцы пошли в Кремль в полном порядке, с барабанным боем и развевающимися знаменами, везя за собою две порядочныя пушки. Они заставили полковника вести их, что тот должен был исполнить из страха лишиться жизни”¹⁷¹. Нам известны имена двух подполковников, которые определенно стояли во главе “возмутившихся” стрельцов – И.Е. Цыклер и И.Г. Озеров. В 1689 г. к власти пришли Петр и “Нарышкины”, но

на карьере указанных лиц это обстоятельство никак не отразилось. Иван Цыклер, правда, пал жертвой своего длинного языка (его казнили весной 1697 г.), но И.Г. Озеров беспрепятственно продолжал службу – в Боярском списке 1703 г. с его имени начинается раздел “начальных людей” – военных командиров, не имевших московского чина¹⁷². То есть Петр I, который был скор на расправу, понимал ситуацию гораздо лучше нас – стрельцы пришли в Кремль исполнять долг, защищать царскую семью, и винить их решительно не за что. Равно как и их командиров. И это совершенно недвусмысленно выраженное мнение человека, который тоже был современником событий и, к тому же, пострадавшей стороной.

Свой особый взгляд на события имело и столичное дворянство. Кроме стрелецких, в Москве находились два “выборных” полка. Это тоже была гвардия, но гвардия “солдатского строя”, уже с общеевропейской системой организации и командования. Термин “выборные” означал, что все солдаты прошли самый тщательный отбор (не менее пяти лет беспорочной службы в действующих войсках). Оба полка формировались по одинаковым принципам, но из разных социальных групп. Первый выборный полк (полк генерала Аггея Шепелева, впоследствии Франца Лефорта) был исключительно дворянским, так как в середине XVII в. дворяне уже всюду служили в солдатах. Второй полк (полк Матвея Кравкова, впоследствии – Патрика Гордона) был укомплектован опытными солдатами, но выбранными не из дворян, а из даточных людей (рекрутов) государевых дворцовых волостей. То есть по своему социальному статусу они были дворцовыми крестьянами.

Об участии солдат полка М. Кравкова в событиях 15–17 мая сообщают практически все источники. Солдаты А. Шепелева, равно как и многочисленное столичное дворянство, также сведенное в военную структуру – Государев полк, отнеслись к “стрелецкому бунту” с ледяным равнодушием. Складывается впечатление, что они если и не знали точно, то хотя бы понимали, что все происходящее – не более чем масштабная провокация. И для них лучше сидеть по домам и ждать, чем дело закончится.

А стрельцы это поняли далеко не сразу. По словам летописца, 18 мая они “разыдошася в слободы свои ко съезжим избам и поидоша вси из града стройными полками, показующи к народу свое удалство, яко с победы идуще, со смирением возложивше самопалы, копия же и бердыши несоша вниз остриями; и разыдо-

шася восвосяси...”¹⁷³. Так ведут себя люди, честно выполнившие свой долг. И лишь потом они обнаружили, что их просто использовали. В результате и появилась столь удивительная для конца XVII в. челобитная с требованием политической реабилитации: “дать нам ваши государские жалованные грамоты... чтобы нас поносными словами и бунтовщиками, и изменниками нас не называли ... потому что мы служим искони века вам, в. г., со всякою верностию и безо всякие измены, и нигде на ваших государских службах измены и прослуги, и градом здач от нас не бывало”¹⁷⁴.

Исследование показывает, что самостоятельное понимание событий весны 1682 г. имели и сами стрельцы. Оно базировалось на двух фундаментальных установках – “служения” московским царям и вере в царскую же к ним милость и “справедливость”. Действия стрельцов за рамки этих традиционных ценностей не выходили – “справедливости” они потребовали еще при жизни царя Федора Алексеевича и справедливый суд тотчас же получили. Таковую же политику продолжало и правительство несовершеннолетнего Петра – полковников наказали через суд, в полном соответствии с действовавшими тогда законами. Следование законам наблюдается и в действиях самих стрельцов – об этом недвусмысленно говорят официальные документы и близкие к ним нарративные тексты. Таким образом, у стрельцов не было причин “бунтовать” из-за учиненных им несправедливостей. Они были спровоцированы на исполнение своей прямой обязанности – защиты государей – одной из боярских группировок, потому и ринулись в Кремль. Виновные потом неуклюже “заметали следы”, свалив вину на московских стрельцов – это они “бунт” учинили. Стрельцы же, наоборот, гордились истреблением “царских изменников” и считали необходимым увековечить это событие в виде “столпа” на Красной площади.

Наиболее существенный вывод из всего вышеизложенного: изучение того или иного события нельзя принудительно ограничивать жесткими хронологическими рамками. Как было показано, процесс зарождения боярских “партий” произошел еще в 1681 г. А их формированию способствовала внутренняя политика, которую царь Федор Алексеевич начал проводить в жизнь с 1677 г. То же можно сказать и о росте недовольства в среде московских стрельцов. Без учета этих обстоятельств мы могли бы и далее гадать – что же произошло в Москве в мае 1682 г.? Стрелецкий бунт? Или все же “заговор Милославских”?

- ¹ “Царю и великому князю” Петру Алексеевичу в момент венчания на царство было девять лет, одиннадцать месяцев и три дня от роду.
- ² Мазуринский летописец // ПСРЛ. М., 1968. Т. 31.
- ³ *Богданов А.П.* Поденные записи очевидца Московского восстания 1682 года // Советские архивы. 1979 г. № 2. С. 34–37.
- ⁴ Разрядная запись “190-го смутное время” (*Далее – Смутное время...*). Здесь и далее текст приводится по изданию: Восстание в Москве 1682 г. М., 1976. № 207. С. 276–282. О датировке см. там же, примеч. на с. 315.
- ⁵ “Летописец 1619–1691 гг.” // ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. (*Далее – Летописец 1619 года...*)
- ⁶ *Бутенант фон Розенбуш.* Верное объявление скорбной и страшной трагедии, которая здесь в Москве приключилась в понедельник, вторник и среду, 15-го, 16-го и 17-го мая нынешнего 1682 года // Погодин М.П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. М., 1875. Прил. V. С. 38–50. (*Далее – Розенбуш Б. Верное объявление...*)
- ⁷ “Дневник зверского избияния московских бояр в столице в 1682 году и избраняя двух царей Петра и Иоанна” // Рождение империи. М., 1997. С. 11–20. (*Далее – Дневник зверского избияния...*)
- ⁸ *Королюк В.Д., Рогов А.И.* Битва под Веной в 1683 г. и русско-польские отношения: (Документы Посольского приказа о приезде в Москву польского посланника Яна Окрасы) // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965. С. 183–199.
- ⁹ “Между тем царевна Софья, возвращаясь с похорон... громко кричала толпе: Смотрите, люди...” (Дневник зверского избияния ... С. 13.) Человек, способный поверить в такое “известие”, совершенно не знаком ни с православным чином похорон, ни с российскими культурными традициями. Вероятней всего, за политическую демонстрацию он принял рассказ о вполне уместном на похоронах “плаче”, как правило, сопровождавшемся громкими и истеричными обращениями к покойному.
- ¹⁰ См., например, рассказ о событиях 1682 г. в книге английского биографа царевны Софьи: *Hughes L.* Sophia: Regent of Russia 1657–1704. New Haven; London, 1990.
- ¹¹ Дневник зверского избияния... С. 14.
- ¹² Полностью рукопись называется “Описание с совершенным испытанием и подлинным извещением о смутном времени, приключившимся от возмущения бывших московских стрельцов и к тому воровскому бунту от возмутителей сообщников их, в прошлом 7190 году, то есть лета Господня 1682, месяца мая в 15 день”. В научной литературе принято более краткое название: “Записки” Андрея Матвеева. Здесь следует учитывать, что речь идет об одном и том же тексте. (*Далее – Матвеев А.А. Записки...*) Текст приводится по изданию – Рождение империи. М., 1997. С. 359–414.
- ¹³ *Погодин М.П.* Об источниках для истории стрелецких бунтов (Матвеев, Медведев, Разрядная записки, Савва Романов, Сказатель о боярине Матвееве, Желябужский, Датский резидент, Невиль, Перри, Корб) // Погодин М.П. Семнадцать первых лет жизни императора Петра Великого. М., 1875. Исследования. С. 1–92.
- ¹⁴ *Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII в. М., 1969. С. 25–27. (*Далее – Буганов В.И. Московские восстания...*)
- ¹⁵ *Матвеев А.А.* Записки... С. 381–382.
- ¹⁶ Там же. С. 389.

- ¹⁷ Еще в 1896 г. Е.Ф. Шмурло указал, что приведенный Матвеевым перечень сторонников Нарышкиных соответствует 1687–1688 гг., но никак не 1682 г. (*Шмурло Е.Ф.* Падение царевны Софьи // ЖМНП. 1896 г., Январь. С. 38–95).
- ¹⁸ Восстание в Москве в 1682 г. № 69. С. 113.
- ¹⁹ Там же. С. 114.
- ²⁰ *Богданов А.П.* Сильвестр Медведев // ВИ. 1988. № 2. С. 84–98.
- ²¹ *Рукопись*: РГАДА. Ф. 179. Оп. 2. Д. 205. *Опубл.*: *Сильвестра Медведева* Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся в гражданстве // ЧОИДР. 1894. Кн. 4. Отд. 2. С. 1–197. Датой завершения работы над рукописью В.И. Буганов считает 1684 г. (*Буганов В.И.* Московские восстания... С. 24).
- ²² *Богданов А.П.* Сильвестр Медведев. С. 89–90.
- ²³ *Сильвестра Медведева* Созерцание краткое... С. 37.
- ²⁴ Там же. С. 41.
- ²⁵ См., например: “Сильвестр Медведев является таким образом единственным русским писателем XVII века, который взглянул на события своего времени с высоты общего принципа, противопоставляя принципу устрашения принцип справедливости или, еще более, еще идеальнее, принцип любви” (*Белов Е.А.* Московские смуты в конце XVII века // ЖМНП. 1887. № 1. С. 117).
- ²⁶ *Берх В.И.* Царствование Федора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта. СПб., 1834. Ч. I–II.
- ²⁷ *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. I: Господство царевны Софии.
- ²⁸ *Погодин М.П.* Исследования: О происхождении первого стрелецкого бунта // Погодин М.П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. С. 118–119.
- ²⁹ Там же. С. 124.
- ³⁰ *Аристов Н.Я.* Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава, 1871.
- ³¹ См.: *Белов Е.А.* Московские смуты в конце XVII века // ЖМНП. 1887. № 1–2; *Шмурло Е.Ф.* Падение царевны Софьи. № 1.
- ³² *Томсинский С.* “Петровские” реформы: (Борьба классов накануне реформ) // Историк–марксист. 1933. № 4 (32). С. 53–80. Оценку взглядов см.: *Буганов В.И.* Московские восстания последней четверти XVII в. в дореволюционной и советской историографии // История СССР. 1962 г. № 2; *Лавров А.С.* Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999. С. 8.
- ³³ “Больше указаний имеется на участие в стрелецких волнениях боярина Ивана Андреевича Хованского. Конечно, не он вызвал эти волнения, но он мог содействовать тому, что движение стрельцов приняло политический характер. Как и стрельцы, он ненавидел временщиков” (*Богоявленский С.К.* Хованщина // Исторические записки. М., 1941. Т. 10. С. 186).
- ³⁴ *Буганов В.И.* Московские восстания... С. 131–139.
- ³⁵ Там же. С. 362.
- ³⁶ «Не беремся судить о том, что “понимали” стрельцы и что не было доступно их разумению, – подобные суждения не опираются на источники, но ясно одно, что стрельцы и солдаты не имели оснований проявлять непримиримую враждебность к новому правительству. Со времени образования этого правительства, т.е. с 27 апреля прошло несколько дней и стрельцы получили от него все, что они требовали. Большого стрельцы и солдаты не требовали ни в конце апреля, ни в начале мая» (*Павленко Н.И.* Об оценке стрелецкого восстания

- 1682 г.: (по поводу монографии В.И. Буганова “Московские восстания конца XVII в.”. М., 1969) // История СССР. 1971 г. № 3. С. 93).
- ³⁷ Там же. С. 94.
- ³⁸ Буганов В.И. Об оценке стрелецкого восстания 1682 г.: (По поводу рецензии Н.И. Павленко) // История СССР. 1973 г. № 2. С. 238.
- ³⁹ Hughes L. Sophia: Reagent of Russia 1657–1704. New Haven; London., 1990. Русский перевод: Хьюз Линдси Царевна Софья. СПб., 2001. С. 91.
- ⁴⁰ Лаврентьев А.В. “Пропавшая грамота” 1682 года (Неизвестное издание Верхоспасской типографии) // Архив русской истории. М., 1995. Вып. 6. С. 208–209.
- ⁴¹ Маржерет Ж. Состояние Российской империи. М., 2007. С. 144.
- ⁴² Корпорации, ведущие свое происхождение от западноевропейских “conjugationes” – объединений людей на основе взаимной клятвы для достижения общих целей и взаимопомощи, – в Средние века могли быть разного типа. В России же стрелецкий полк приносил клятву верности (целовал крест) Государю, что тоже подразумевало принятие взаимных обязательств – “прямить” (т.е. верно исполнять службу), “не воровать” (т.е. не изменять) и т.п. Отличия здесь очевидны. Однако на бытовом уровне стрелецкие сообщества (слободы) по ряду признаков сближались с профессиональными корпорациями Западной Европы.
- ⁴³ Арнаутова Ю.Е. Средневековые истоки современной корпоративной культуры // Неприкосновенный запас. 2006. № 48/49. С. 70.
- ⁴⁴ Статистических данных по Москве пока не имеется, зато имеются обширные материалы по стрелецким гарнизонам других городов России. В 1684 г. правительство провело общий “разбор” всех стрельцов, в ходе которых разборщики проводили краткий опрос – кто родом или откуда вышел, сколько лет в службе и т.п. Даже самый поверхностный анализ показывает, что большая часть провинциальных стрельцов служила во втором, а то и в третьем поколении (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 245).
- ⁴⁵ Полностью рукопись называется “Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гваринта, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом”. В научной литературе принято более короткое название: *Корб Иоганн* Дневник путешествия в Московское государство. Текст приводится по изданию: Рождение империи. М., 1997. С. 21–258.
- ⁴⁶ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича: 4-е изд. СПб., 1906.
- ⁴⁷ Лаврентьев А.В. “Московское столпотворение” конца XVII века (первые гражданские памятники в России и политическая борьба эпохи Петра I) // Архив Русской истории. М., 1992. Вып. 2. С. 147.
- ⁴⁸ Кошелева О.Е. “Бесчестье словом” петербургских обывателей петровского времени и монаршая власть // Одиссей 2003. М., 2003. С. 162–163.
- ⁴⁹ В грамоте все царские титулы приведены полностью. Здесь мы их заменяем знаком (...).
- ⁵⁰ Восстание в Москве 1682 г. № 132. С. 176.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² ААЭ. СПб., 1836. Т. IV. № 250. С. 347.
- ⁵³ Там же. Т. IV. № 280. С. 409.
- ⁵⁴ Восстание в Москве 1682 г. № 2. С. 20; № 21. С. 45.
- ⁵⁵ Там же. № 2. С. 20–21.

- ⁵⁶ Буганов В.И. Московские восстания... С. 109–110.
- ⁵⁷ Восстание в Москве 1682 г. № 2. С. 20; № 21. С. 42–43.
- ⁵⁸ Летописец 1619 года... С. 190.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же; Розенбуш Б. Верное объявление... С. 39–40.
- ⁶¹ Разряд без мест царя великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Роси самодержца 190 году // Соловьев С.М. Соч. М., 1988. Кн. VII. Т. 13–14. Доп. С. 308.
- ⁶² Летописец 1619 года... С. 190.
- ⁶³ Книга записная Петра Алексеевича // Восстание в Москве 1682 г. М., 1976. Док. 1. С. 9. (Далее – Книга записная Петра Алексеевича...)
- ⁶⁴ Летописец 1619 года... С. 190.
- ⁶⁵ Там же. С. 189. Об этом же пишет и Б. фон Розенбуш: стрельцы “пригласили к себе несколько товарищей из других полков и осведомились у них, как полковники обходятся с ними таким же образом. И оказалось, что из 20 полковников, начальствовавших над 22 тысячами стрельцев, было девять, которые могли быть обвинены в наложении таких же тягостей” (Розенбуш Б. Верное объявление... С. 40).
- ⁶⁶ Летописец 1619 года... С. 191.
- ⁶⁷ Розенбуш Б. Верное объявление... С. 40.
- ⁶⁸ Книга записная Петра Алексеевича... С. 12.
- ⁶⁹ Летописец 1619 г... С. 192.
- ⁷⁰ В данном случае – доносили.
- ⁷¹ Повесть о Московском восстании 1682 г. С. 323.
- ⁷² “Во всех приказах стрельцы тако усоветовали и в первые Морозова пятидесятника били и с роскату бросили, и иных тако же, которые неистово творили” (Там же)
- ⁷³ Матвеев А.А. Записки... С. 368.
- ⁷⁴ Книга записная Петра Алексеевича... С. 13.
- ⁷⁵ Там же. С. 13–14.
- ⁷⁶ Розенбуш Б. Верное объявление... С. 41.
- ⁷⁷ Летописец 1619 года... С. 191.
- ⁷⁸ “С должника без всякого снисхождения стягиваются чулки, затем двое из судебных слуг становятся рядом, еще несколько держат наказываемого. Те двое бьют должника двумя белыми прутьями по голням так сильно, что у бедняги ноги становятся коричневыми и синими” (Шлейссингер Г.-А. Полное описание России // ВИ. 1970 г. № 1. С. 120). У Б. Розенбуша отмечено, что “ставили на правее всякий день по два часа, пока они не выплачивали долга” (Розенбуш Б. Верное объявление... С. 41).
- ⁷⁹ Летописец 1619 года... С. 191.
- ⁸⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 20894. Л. 1–2.
- ⁸¹ Восстание в Москве 1682 г. № 36. С. 57; № 33–34. С. 54–56; Летописец 1619 года... С. 191.
- ⁸² Гораздо больше известно о выборах на казачьих кругах. Вот там все выборы завершались драками, иногда – с применением холодного оружия. До стрельбы все же дело не доходило. Подробнее об этом: История Украинського війська. Львов, 1992; *Бойко О.Д.* История України. Киев, 1999.
- ⁸³ *Кнабе Г.С.* Рим Тита Ливия – образ, миф, история // Тит Ливий. История Рима от основания города. М., 1993. Т. III. С. 635.

- ⁸⁴ *Krom Michail*. Formen der Patronage im Russland des 16. und 17. Jahrhunderts: Die Aussichten für eine vergleichende Forschung im europäischen Kontext // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2009. Bd. 57. Ht 3. S. 321–345.
- ⁸⁵ *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1968. Т. VII. С. 172–174.
- ⁸⁶ Эта новость оказалась настолько значимой, что шведский резидент Б. фон Розенбуш немедленно уведомил о ней свое правительство: несколько приказов отняты у И.М. Милославского; думный дьяк Ларион Иванов получил назад Новгородскую четверть в добавление к Посольскому приказу. Надо всеми денежными доходами страны поставили Аверкия Степанова [Кириллова] (*Бушкович П.* Петр Великий: Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. С. 120).
- ⁸⁷ ПСЗ. Т. II. № 824. С. 267–268. Под “расправами” в России XVII–XIX вв. понимали дела, решавшиеся в административном порядке; без назначения судебного заседания.
- ⁸⁸ *Седов П.В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 281.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ В.П. Нарышкин, например, был отправлен воеводой в Черный Яр – сторожевой острог в низовьях Волги. Город окружали степи с немирными калмыками и ногаями, а населения, от которого можно брать “поминки” не было вообще – только стрелецкий гарнизон.
- ⁹¹ *Седов П.В.* Указ. соч. С. 281–282.
- ⁹² Дополнения к актам историческим. СПб., 1862. Т. 8. № 78, 102.
- ⁹³ *Белов М.И.* Письма Иоганна ван Келлера в собрании нидерландских дипломатических документов // *Исследования по отечественному источниковедению*. М., 1964. С. 379–380.
- ⁹⁴ Там же. С. 379–380.
- ⁹⁵ *Силиверста Медведева* Созерцание краткое... С. 41.
- ⁹⁶ История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева: 2-е изд. М., 1778. С. 398, 407–408; *Крекиши П.Н.* Краткое описание блаженных дел великого государя имп. Петра Великого, самодержца всероссийского // *Записки русских людей*. М., 1841. С. 24–26. По предположению В.И. Буганова первая рукопись могла быть создана И.Л. Подборским или священником Василием Чернецом, находившимся в ссылке вместе с А.С. Матвеевым (*Буганов В.И.* Московские восстания... С. 26).
- ⁹⁷ “Ближайшие родственники умершего царя могли пропустить церемонию наречения младшего царевича, минуя старшего, только в том случае, если придворные деятели во главе с патриархом Иоакимом приступили к наречению еще в то время, когда был жив Федор, а главные сторонники Ивана Алексеича находились у постели умирающего. Этим может быть объяснена разногласия в определении времени кончины Федора: приказные дельцы могли сделать вывод о смерти давно больного царя, узнав о готовящемся наречении, еще в 12-м часу; официальное объявление было сделано после смерти, в 13-м часу. Впрочем, обязательно ли после смерти? Если, согласно данным Скорнякова-Писарева, Милославские прибыли к месту действия, когда Петр был уже наречен, допустимо предположение, что, узнав о начавшейся церемонии, они оставили покои еще живого Федора” (*Богданов А.П.* Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеича // *Летописи и хроники*. 1980 г. М., 1981. С. 205).
- ⁹⁸ В российском земельном законодательстве существовали два определения для незаконного землепользования. “Примерные” земли – участки, распаханые

- без соответствующих документов (примеренные к уже имеющимся). “Обводные” – использующиеся с помощью какой-то казуальной уловки (“обвода”).
- ⁹⁹ См. об этом: *Зенченко М.Ю.* Военный бюджет 1673–1679 гг.: предпосылки и итоги // *Мининские чтения* Нижний Новгород, 2011. С. 415–430; *Он же.* “И той их даче по межам, и по сыску, и по досмотру быть за ними...”: земельная политика в царствование Федора Алексеевича // *PALEOBUREAUCRATICA: Сб. ст. к 90-летию Н.Ф. Демидовой М.*, 2012. С. 125–141; *Он же.* Книги подворной переписи 1677/78 г.: время создания, принципы составления, итоговые документы // *Отечественные архивы.* 2012. № 2. С. 30–39; *Он же.* Второе валовое письмо: предпосылки, хронологические рамки, региональные особенности // *Проблемы аграрной истории Северо-Запада России: К 150-летию отмены крепостного права в России; Мат-лы межрегиональной науч. конф. Псков, 2012 (в печати).*
- ¹⁰⁰ Материалы о кадровых перестановках в приказном аппарате России собраны в исследовании: *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946. В специальном исследовании о событиях 1682 г. (*Богоявленский С.К.* Хованщина // *Исторические записки.* М., 1941. Т. 10. С. 180–221) им собраны свидетельства о борьбе бояр за должности приказных судей летом–осенью 1682 г. Состоявшиеся в конце мая 1682 г. назначения показали, что стольников начали заменять сами бояре. С этого момента восстанавливается традиционная для России система управления, когда во главе приказов стояли бояре и okolnichie (как исключение – думные дворяне).
- ¹⁰¹ Книга записная Петра Алексеевича... С. 10.
- ¹⁰² “Источники позволяют по именам назвать наиболее рьяных гонителей Нарышкиных. После ареста их содержали на боярских дворах в Москве: Ивана Нарышкина – на дворе И.М. Милославского, прочих – у кн. Одоевских и Р.М. Стрешнева” (*Седов П.В.* Указ. соч. С. 283).
- ¹⁰³ *Богоявленский С.К.* Хованщина. С. 207.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 208.
- ¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 16. Л. 4.
- ¹⁰⁶ Книга записная Петра Алексеевича... С. 14.
- ¹⁰⁷ Акты исторические. СПб., 1842. Т. V. № 83. С. 133.
- ¹⁰⁸ Там же. № 84. С. 134.
- ¹⁰⁹ Единственный в настоящее время очерк деятельности Ответной палаты принадлежит П.В. Седову (*Седов П.В.* Закат Московского царства... С. 452–478).
- ¹¹⁰ *Богоявленский С.К.* Приказные судьи... С. 190.
- ¹¹¹ Книга записная Петра Алексеевича... С. 17.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ Там же. С. 16.
- ¹¹⁴ *Седов П.В.* Указ. соч. С. 209.
- ¹¹⁵ Впервые мысль о неком “всемогуществе” Матвеева высказал Н.Г. Устрялов (*История царствования Петра Великого.* Т. I. Господство царевны Софии), а затем в той или иной форме она повторялась практически всеми авторами, писавшими о данном сюжете.
- ¹¹⁶ “На долговременных разговорах один на один они, бояре, оба с собою были” (*Повесть о невинном заточении...* С. 417).
- ¹¹⁷ *Розенбуш Б.* Верное объявление... С. 42–43.
- ¹¹⁸ Летописец 1619 года... С. 192.

- ¹¹⁹ Тихомиров М.Н. Заметки земского дьячка второй половины XVII века // Исторический архив. М.; Л., 1939. Т. II. С. 100.
- ¹²⁰ Розенбуш Б. Верное объявление... С. 43.
- ¹²¹ Матвеев А.А. Записки... С. 375.
- ¹²² Буганов В.И. Новый источник о Московском восстании 1682 г. // Исследования по отечественному источниковедению. М., 1964. С.323.
- ¹²³ Матвеев А.А. Записки... С. 375.
- ¹²⁴ Летописец 1619 года... С. 192.
- ¹²⁵ Мазуринский летописец. С. 174; Богданов А.П. Поденные записи очевидца Московского восстания 1682 года // Советские архивы. 1979 г. № 2. С. 35; Тихомиров М.Н. Записки приказных людей конца XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. XII. С. 449.
- ¹²⁶ Летописец 1619 года... С. 195.
- ¹²⁷ Восстание в Москве 1682 г. № 4. С. 23–24.
- ¹²⁸ Летописец 1619 года... С. 194.
- ¹²⁹ Восстание в Москве 1682 г. № 207. С. 276–277.
- ¹³⁰ Летописец 1619 года... С. 192.
- ¹³¹ Восстание в Москве 1682 г. № 207. С. 277.
- ¹³² Матвеев А.А. Записки... С. 377.
- ¹³³ Летописец 1619 года... С. 194.
- ¹³⁴ Матвеев А.А. Записки... С. 377.
- ¹³⁵ “Особливо же тот Цыклер коварный, злокозненный человек и всякого рода хитростей на злодейства исполнен был”. В другом месте А. Матвеев добавил: “из плохих, кормовой иноземец” (Матвеев А.А. Записки... С. 370).
- ¹³⁶ Летописец 1619 года... С. 194.
- ¹³⁷ Тихомиров М.Н. Записки приказных людей конца XVII века. С. 449.
- ¹³⁸ Летописец 1619 года... С. 194.
- ¹³⁹ Матвеев А.А. Записки... С. 378.
- ¹⁴⁰ Мазуринский летописец. С. 174.
- ¹⁴¹ Тихомиров М.Н. Записки приказных людей конца XVII века. С. 449.
- ¹⁴² Богданов А.П. Поденные записи очевидца Московского восстания 1682 года. С. 35.
- ¹⁴³ Летописец 1619 года... С. 194–195.
- ¹⁴⁴ Смутное время... С. 277. Примеч. 4–6.
- ¹⁴⁵ Богданов А.П. Поденные записи очевидца Московского восстания 1682 года. С. 36.
- ¹⁴⁶ Смутное время... С. 279. С этим требованием стрельцы охотно согласились: “а что боярские люди к нам приобщаются в совет, чтобы им быть из домов свободным, а у нас с ними ни с кем приобщения никакова и думы нет” (Восстание в Москве 1682 г... № 20. С. 38).
- ¹⁴⁷ Мазуринский летописец... С. 174.
- ¹⁴⁸ Летописец 1619 года... С. 195.
- ¹⁴⁹ Мазуринский летописец. С. 174. В “Летописце 1619 года...” добавлено “в час первый ночи” (С. 195).
- ¹⁵⁰ Матвеев А.А. Записки... С. 379.
- ¹⁵¹ Матвеев А.А. Записки... С. 379; Летописец 1619 года... С. 196.
- ¹⁵² Летописец 1619 года... С. 195.
- ¹⁵³ Розенбуш Б. Верное объявление... С. 44.
- ¹⁵⁴ Восстание в Москве в 1682 г. № 4. С. 23–24.

- ¹⁵⁵ Так в тексте. Вероятно летописец имел в виду “с двумя деньгами”, то есть с одной копеейкой.
- ¹⁵⁶ Мазуринский летописец. С. 174–175. В “Летописце 1619 года...” уточнено: “Свою же братию стрелцов за такие же дела биша палицами довольно, а не смертно, и на съезжих избах затворяху в темницы (С. 195).
- ¹⁵⁷ *Розенбуш Б.* Верное объявление... С. 49.
- ¹⁵⁸ *Розенбуш Бутенант* Верное показание несчастной Resconter, в коей Всевысочайший Господь от очевидной опасности спас жизнь, и что случившейся в прошедший вторник, 16-го мая, 1682 года // Погодин М.П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. Прил. V. С. 52–56.
- ¹⁵⁹ Там же.
- ¹⁶⁰ Даниила фон Гадена и Иогана Гутменша.
- ¹⁶¹ Михаила фон Гадена. Его “изрубили бердыши” у Лобного места.
- ¹⁶² Смутное время... С. 278.
- ¹⁶³ *Розенбуш Б.* Верное объявление... С. 46.
- ¹⁶⁴ Там же.
- ¹⁶⁵ Летописец 1619 года... С. 197.
- ¹⁶⁶ Восстание в Москве... №. 20. С. 37.
- ¹⁶⁷ Мазуринский летописец, С. 175.
- ¹⁶⁸ Восстание в Москве. № 207. С. 277.
- ¹⁶⁹ *Розенбуш Б.* Верное объявление... С. 49.
- ¹⁷⁰ Летописец 1619 года... С. 192.
- ¹⁷¹ *Розенбуш Б.* Верное объявление... С. 49.
- ¹⁷² *Захаров А.В.* Государев двор Петра I. Челябинск, 2009. С. 325.
- ¹⁷³ Летописец 1619 года... С. 198.
- ¹⁷⁴ Восстание в Москве в 1682 г. № 20. С. 37.